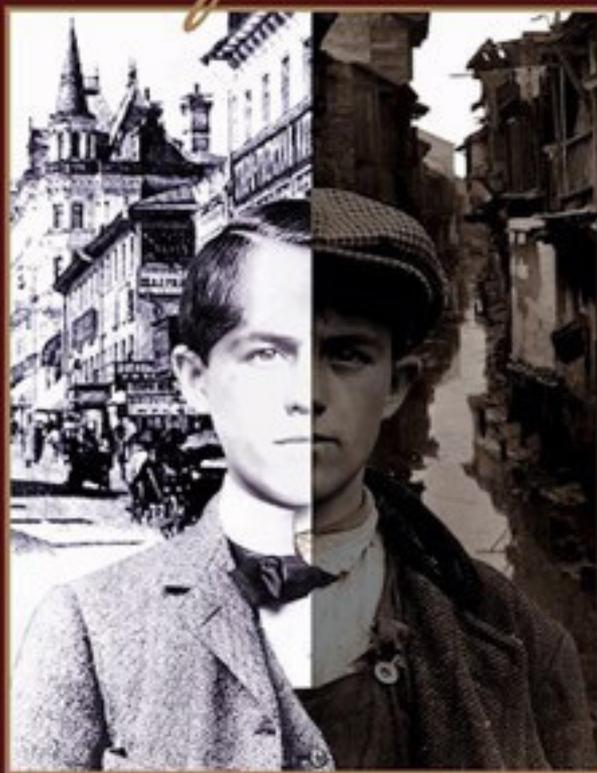

Отрочество

Василий Панфилов

Россия, которую мы...

Василий Панфилов

Отрочество

«Василий Панфилов»

2020

Панфилов В. С.

Отрочество / В. С. Панфилов — «Василий Панфилов»,
2020 — (Россия, которую мы...)

Жизнь не балует Егора, и приключений у героя больше, чем хотелось бы, подчас очень невесёлых. Удары судьбы, способные искалечить жизнь, лишь закаляют его, выковывая из резкого уличного мальчишки – гражданина.

Содержание

Пролог	6
Первая глава	8
Вторая глава	12
Третья глава	16
Четвёртая глава	20
Пятая глава	24
Шестая глава	28
Седьмая глава	33
Восьмая глава	37
Девятая глава	41
Десятая глава	46
Одиннадцатая глава	50
Двенадцатая глава	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Василий Панфилов

Отрочество

Василий Сергеевич Панфилов

* * *

Пролог

Длинный, пронзительный гудок паровоза, тяжёлый рывок, качнувший нас всех, и состав тронулся наконец, заскрежетав оглушительно всеми своими железными потрохами, постепенно набирая скорость. За окном мелькнула, и быстро пропала шляпка Марии Ивановны.

Санька, махавший ей до последнего, отлип носом от окошка и сел наконец-таки, ссутулившись, и расстроено засопев. И куда только делась его опаска к ейным очёчкам?! Молчу, молчу...

Отсопелся и Мишка, махавший мастеру и пришедшему проводить прадеду, вовсе уж ветхому старику, с одуванчиком избела-белых волос из-под старенького картуза времён Крымской, и выцветшими до прозрачности серыми глазами, сквозь которые смотрела Вечность.

Такой себе минор в купе, только задумчивое сопенье и стук колёс на стыках рельс, да изредка приносимые ветром клубы едкого, кислотоватого угольного дыма из паровозной топки, оседающего потихонечку на оконном стекле.

Отживели, разговорились, но всё больше я с дядей Гиляем. Санька ещё не отсопелся от расставания с Марией Ивановной, а Мишка хоть и знаком с нашим опекуном, но дичится немножечко. Да и в окошко нет-нет, да и косится. Интересно! Это мы с Чижом бывалые путешественники, но и то...

– Пройдусь, – легко встал дядя Гиляй, и по всегдашней своей репортёрской привычке, отправился на поиски интересного.

– Как баре, – нарушил молчание Пономарёнок, недоверчиво проведя рукой по мягкому дивану.

– Видел бы ты, как мы с Одессы ехали! – заважничал Санька, выпятив тощую грудь, – Вот там да! Дворец, ей-ей!

– Да мне и так... – Мишка не стал продолжать.

– Да нам тоже, – покраснелся Санька, понявший свою глупость и сдувшийся обратно, – это так! Для маскировки вроде, да и не за свои деньги ехали. А так бы небось не купили. Эвона, денжищи на всякие глупости! По мне, так и это – ого!

Санька провёл рукой по дивану, вопросительно глядя на меня. Киваю, всё так. Мягкий вагон второго класса, да в отдельном купе, это вполне себе ого! На короткие расстояния и дворяне из небогатых не гнушаются третьим классом ездить.

– Ого! – говорю вслух, – Ещё какое ого! Но третьим классом ежели до Одессы, так весь измаешься, потому как условия. А так и ничего.

– Шаланды полные кефали, – замурылкал Санька.

– В Одессу Коста приводил, – подхватываю я, расплываясь в улыбке.

Одесса! А?! Не какое-нибудь Бутово, где из развлечений только прогулки, чаепития со сладостями и гостями, да редкие, дурно поставленные любительские спектакли! Там настоящая жизнь, а не пьески с ломанием рук и предурнейшим пафосом.

– Скучал небось по Фирке!? – пхнулся локтем Санька, перемигиваясь попеременно обоими глазами, – А?

– Скучал, – признаюсь честно, отчего подначка выходит пшиком, или даже пуком, – по ней, по тётке Песе, да по всем знакомцам.

– Нешто там так хорошо? – недоверчиво качнул головой Мишка.

– Ну... – по оттудошной ещё привычке тру подбородок, – не так штобы и да для всех, но для меня так вполне.

– С жидами? – Мишка хоть и сговоренный от мастера под предлогом полезных для портняжки знакомств и необходимостью продышать лёгкие, но согласился на поездку с великим скрипом, за компанию с нами и под направляющий пинок от мастера.

– С людьми, – в спор не лезу. Мишка из староверов, но не из близких к евреям субботникам и тому подобных, а из каких-то иных толкований, совсем наоборотных, – ты знаешь, как я к этому.

Хмыканье... и я понимаю, что Мишка и тамошние идиши, это может быть таки ой... А куда деваться?

– Увидишь, – заканчиваю спор, – а насчёт хорошо, так ещё раз – для меня да. В Москве не так штобы и плохо, но вечно куда-то влипаю.

– Не сам! – быстро поправляюсь, видя заехидневший взгляд Чижа, – Когда сам, то и спрос с себя другой, да и вообще. Влез по дурусти да живости характера, так и винить некого. А в Москве меня как-то тово... влазит. Ну... в основном.

Дружки захмыкали, переглядываясь весело. Ишь! Смехуёчки им! Но и самому смешно стало. Настроение будто рубильником переключили, на отпускное. Даже Мишка отошёл мал-мала.

А што? Приключение! Да с друзьями! И...

... пальцы погладили бумаги, лежащие во внутреннем кармане пиджака...

... я репортёр! Пусть внештатный, пусть... зато от большой московской газеты. А?!

Первая глава

– Егор-р! – и с разбега! Только бумкнуло меня спиной о пузо дяди Гиляя, и глаза в глаза... – я скучала!

Обхватила руками за шею, и смотрит, а глаза – небо звёздное. Чёрные с синевой, да искорки светящиеся где в глубине даже не глаз, а души. И счастье – волной штормовой!

– Я скучал... – и глаза в глаза. Держу за талию и улыбаюсь глупо, но вот ей-ей... всё равно!

– Кхм! – раздалось сверху.

– Фирочка, доча, – почти одновременно.

Девочка отпрянула от меня, руки за спину, и засмушалась. Носком ботиночка булыжник ковыряет, ушки розовые. Да и сам я не лучше, ушами небось полыхаю так, что хоть прикури-вай. Пусть!

– Однако! – голос опекуна задумчив и несколько даже печален.

– Сама не ожидала, – в тон отозвалась тётя Песя, – вы не подумайте дурного, Эсфирь очень воспитанная, но...

– Угу, – дядя Гиляй прижал меня к себе, придавив за плечи. Началась суета с прибежавшими соседями, знакомством и выгрузкой багажа.

Вроде и слали телеграммы, а всё равно – суетно! Ну да это Молдаванка, а не степенно-почтенная Москва. У-у! Всем до всего дело есть, даже если и нет на самом деле.

Ладно кто во дворе живёт, тут хотя бы по-соседски полюбопытствовать можно. А тут... Как же, сам Гиляровский!

Пусть он больше на Москве известен, но не только, и сильно не только. Бывает, выезжает в командировки вплоть до Крыма и Кавказа. Бывал и в Одессе, и статьи потом ух и здоровские выходили! Когда хлёсткие, с пропесочиванием, а когда и просто – этнографически-географические. Но всегда – интересные!

А тут сам, вживую, да повод есть подойти. Пощупать... м-да... Даже неловко стало почему-то. А? Вот как так? Глупости делают другие, а стыдно за них почему-то мне!

– Комнаты у Хейфицев сняли, шток они были здоровы! – заторопилась вперёд тётя Песя, показывая дорогу, – После смерти старого Боруха по зиме... ну вы помните, мальчишки? Такой себе престарелый шлемазл, вечно то в истории влезал, то в говно.

– Ага, – закивал Санька, живо влившийся в реалии Молдаванки.

– Ну и с наследством так же – перезапутанно до того, что и целый кагал раввинов сходу не разберёт, – продолжила тётя Песя, на ходу доставая ключи, – потому наследники и решили сдавать пока комнаты, шток никому.

– А делёжка? – живо поинтересовался Владимир Алексеевич подробностями здешнего быта.

– Вот! – женщина подняла палец, поворотившись на ходу и отирая плечом штукатурку, – Видно умного человека! Деньги пока на синагогу, а потом уже делить будут – по справедливости, или на кого попало.

– Две комнаты, – она отворила дверь, – ну то есть две свободны! Борух, он же всякий хлам... ну и вот, две комнаты освободили, а остальное утрамбовали.

– А не...?

– Сильно не! – поняла меня тётя Песя, – Уговор такой, што совсем жёстко! Если да, то таки да до осени, а не пусти ещё раз барахло пересмотреть и переделить!

Две большие комнаты, с изрядно отсыревшей и местами облупившейся штукатуркой. Обставлены такой же старой и сырой даже на вид, разнокалиберной мебелью, требующей

починки. Из-под ног порскнули тараканы, забившись в щели трухлявого, погрызенного кем-то пола.

– Зато дешёво! – вздёрнула подбородок тётя Песя, – Вот, спальня для мальчиков и большая гостиная. Рувимчик... ой, то есть Санечка, всё свои мольберты сможет расставить, и ещё место останется. И солнце!

Опять какие-то непонятные переглядки взрослых...

– Если для пожить, – тётя Песя ещё выше задрала подбородок, – то можно и получше найти, хотя сильно не у нас и сильно дороже. А для работы – вот! Много солнца...

– Я таки понимаю, – спохватилась она, – что пока сырость, но это не потому, што вообще, а потому што шлемазл жил! Проветрить как следует, вот оно и сразу хорошо!

– Ничего так, – отзываюсь одобрительно, – тараканов травили?

– А как же! – всплеснула руками тётя Песя, – И клопов!

– То-то я гляжу, мало их. Ну што, располагаемся?

Владимир Алексеевич кивнул, и как мне показалось, с толикой некоторого сомнения. Не то штобы и сильно понравилось, значаца.

А мне так и ничего! Запущенная комнатка, это да! Но кому сейчас легко? По осени и зиме если, то провонялась бы сыростью, плесенью и трухой, а сейчас и ничего. Проветрилось, солнцем прожарится быстро, от насекомых рецепты от Чижовской бабки есть, самолично проверенные. Нормально! И место знакомое.

С дороги сразу в баню – благо, извозчика и не отпускали. Восседающих на козлах грек, пропотевший не хуже своих лошадей, подрёмывал с потухшей трубкой, разнежившись под майским солнцем.

– К «Султанской» на Греческую, – скомандовал дядя Гиляй, и возчик, зевнув протяжно, тронул вожжами лошадей. На ходу он выколотил трубку об облучок и заново набил, обмотав в это время вожжи вокруг запястий.

– Лучшая баня России, – важно сказал он, раскурив наконец трубку с дорогим, и потому наверняка контрабандным, табаком, – Роскошь!

– Ну положим... – дядя Гиляй, большой фанат Сандунов, завёлся моментально. Минуту спустя он пересел напротив, и вывернулся вполоборота, жарко споря с то и дело оглядывающимся греком.

Одесско-греческий патриотизм столкнулся с опытом человека, намотавшего по России не один десяток тысяч километров. Мы слушали этот спор, весело переглядываясь, и фыркая то и дело при особо удачных оборотах.

Шансов и извозчика изначально не было, так што к «Султанской» бане Владимир Алексеевич подъехал с видом римского триумфатора колеснице. Наверное, подсознание его решило так же, и поэтому в бане он завернулся в простыню ну точь-в-точь патриций с музейных статуй!

Стол накрыли во дворе, потому как событие! Соседи, вросли в самолично притащенные лавки и стулья, пустив корни и закаменев. Чуть не полсотни человек!

– Ну а шо ты будешь делать? – Развела руками тётя Песя на мою приподнятую бровь. Ну да... зная Молдаванку, оно иначе и никак! Справедливости ради, народ пришёл не с пустыми руками на поесть и выпить, а со своей снедью на общий стол. Потому как культурное мероприятие и первое впечатление! Потом уже да, по всякому.

– Ты не переживай, – тихонечко наклонилась тётя Песя к Мишке, – кошерное православным можно.

– Грех не то, что в уста, а что из уст, – спокойно ответил тот, – я больше переживаю, как воспримет живот непривычную еду.

– А... – тётя Песя озадачилась, встав на миг столбом, и тут же почти отмерла, хлопотав вокруг Пономарёнка, и щедро обсуждая с соседками проблему.

– Таки да! – Всплеснула руками тётя Хая, которая Рубин, – Што они там едят на этой Москве? Никаких продуктов нормальных! Ни пэрцу нет, ни синеньких!

Гвалт поднялся неимоверный. Мишка аж голову в плечи вжал, а дядя Гиляй только головой завертел по сторонам, ловя сценки.

Всё сразу заобсуждали! Разом! И как это принято у молдаванских жидов, каждый имел свою, единственно верную точку зрения, которую требовалось донести до собеседника путём переора.

Мишке под нос стали пхать разное на попробовать, и у него, непривычного к такому обращению, ажно глаза вылазить начали.

– Нет, ты попробуй и скажи мне – тётя Роза, вот настоящий форшмак! Не то што у старой прошмандовки Файги! – и суёт в самое лицо этот самый форшмак!

– Ты куда ему в самое лицо! Пусть мальчик поест сперва нормально, шакшука, а потом уже будешь со своими обидами на Файгу с ребёнком делиться!

И это полминуты не прошло!

– Ша! – я к Мишке шагнул, отодвинул тётю, и сам ему наложил разного, – успеет ещё попробовать и оценить, кто тут прошмандовка, и у кого лучший форшмак и самая вкусная хала! Человек из России приехал, и непривычен к одесскому, дайте ему подышать и отойти!

И опять у меня, будто сам собой, идиш вылез! Я ж не зря немецкий учу, да и Львом Лазаревичем тоже. Мишка на меня глазами только луп-луп!

Поворотился я к нему, и только руками развёл.

– Не я такой, жизнь такая!

Ели-пили, веселились, и дядя Гиляй как бы не больше всех. Но с нотками. Не пойму чего, но такое што-то, што есть. Ну... о том потом думать буду, а пока – праздник!

Настроение-то ого! Сразу несколько всего совпало. Проблемы с опекой хотя бы. И Фира, да... А ещё сама Одесса, солёный запах моря, долгожданный отдых от напряжённой учёбы, и предвкушение самостоятельности.

Настоящей! Штоб не таясь, как Егор Панкратов, а не Шломо. Оказывается, давило! Вроде и легко казалось, ан нет! Разница, значица.

Мы перекусили слегка, и больше разговариваем. Рахиль, подружка Фирина, до Саньки застеснялась. Хорошая она деваха, это да. Но носата!

«– Рубильник в виде паяльника» – выдало подсознание, тут же замолкнув.

Другие до Мишки. Писано было, што он подмастерье портновский, так тётки здешние его ажно щупать начали. Тринадцать годков парню, а он уже! Это же не просто так, а профессия. Уже! И в глазах у них планы, Эти... матримониальные. Ишь, хищницы! Не то што простодырая тётя Песя!

Потом подарки московские. Тёте Песя с Фирой все превсе наши открытки с рисунками. Про Хвост Трубой и мои, дурацкие, да все с автографами. Коллекция!

Другим знакомцам тоже всякое, но поскромней. А то уж больно много у меня знакомцев в Одессе! Каждому по чуть, и уже ого! Целый чемодан таких сувениров бумажных приволокли. Носильщик ажно с кряканьем на тележку грузил.

А штобы просто в руках, так наверное, только опекун и может. Ну и борцы цирковые.

Потом я на гитаре. Агитировал Саньку за скрипочку, но тот застеснялся – нет ещё особых успехов. А по мне, так и зря! Насмотрелся на Молдаванке на здешних, тут и не таким пиликаньем гордятся!

Про «Дерибасовскую» потом с Санькой представляли, про «Жидовское казачество». Орали! Всей Молдаванкой, вот ей-ей! Только птицы небо – фыр-р! И коты меховыми шариками по подворотням.

Попозжей, ближе к тёмнышку, угомонились мал-мала с весельем. Взрослые, особенно если мужчины, пьяненькие все! Местные ж не бездельники, а в основном ровно наоборот. Ну

и тово... догонялись, кто с работы приходил. На голодный желудок-то што ж не догнаться-то? Особенно если невтерпёж сесть сперва, да поесть нормально.

Все ж ого! Орлы! Только жёны потом растаскивают по домам. Один в один как наша мастеровщина на нечаянном празднике гулеванит, только антураж иной.

Дядя Гиляй пейзаховки этой столько хлопнул, што и посчитать боюсь, потому как и не верится. Могуч человечие! Каждый норовит с ним выпить, а тот и не отказывает, только морда лица краснеет. И слушает, да. А те и рады! Уши свободные!

Ну а мы, кто помладше, отдельно. Отсели на веранду второго этажа, у Хейфицевых комнат, ну и о своём. Я о Москве, о неприятностях. Ёся кивал задумчиво, а Лёвка так рассочувствовался, што носом шмыгать начал.

– Чудак человек! – и кулаком его в бок слегка, – Всё обошлось!

– Всё хорошо, шо хорошо кончается, пробасил вконец заматеревший Самуил... или Товия? Они за эти месяцы так замужичали и поменялись, што ой! Можно уже и со взрослыми сидеть, но они по рюмочке выпили, вроде как што со всеми, на равных. А потом и к нам! Потому што компания.

– Как представляю, шо вдруг и не обошлось бы, – завздыхал Лёвка, – так оно и само!

О всяком потом говорили, вразной немножечко, но совсем чутка. Я за прошлый год приучил мал-мала! Не нравится мне здешний обычай, с переорыванием друг дружкиным.

– ... Левитан...

– Шо!? – недоверчиво переспросил Ёсик, – Ты хочешь сказать, што знаешь самого?

И руками этак помывает, потому как слов подобрать не может.

– Ну да, – дружок мой ажно растерялся, – я ж хоть и вольнослушателем, но в Училище живописи, а он там преподаёт.

– И шо... вот так просто? – у Ёси сделались глаза.

– Ну да, – дёрнул плечом Санька, – и што таково? У Владимира Алексеевича интересный люд собирается, Исаак Ильич тоже бывает. Коты мои, опять же, понравились... Зовёт к себе в класс. Вот, думаю.

– Думаешь?! – Ёсик выпучился ещё сильней, отчего Мишка отчётливо хмыкнул. Он пока помалкивает, всё больше наблюдает.

– Ну... да, – застеснялся Санька, – меня не только он, вот... Говорят, талант...

... и вконец засмутился, замолк.

А до меня только сейчас дошло, как много сделал для нас Владимир Алексеевич. Саньку в Училище, мне в прогимназию помог, клуб Гимнастический. Знакомства, опять же!

Имена-то какие, божечки! Станиславский, Левитан, Серов, Маковский... а я с ними, как так и надо. А скажи кому, что сам Чехов написал с меня рассказ «Нахалёнок», так и вообще...

– Что задумался-то? – поинтересовался негромко Мишка, навалившись на плечо.

– Слишком всё хорошо! – стучу торопливо по доскам пола и сплёвываю трижды через левой плечо, – Нивроку!

Вторая глава

Снилось такое, што и вспоминать не хочется. Дикие звери с терзаниями, страшное всякое из другого. Даже просыпался с перепуга несколько раз! Сердце бух-бух-бух, весь в поту, куда-то отпрыгивать вот прям щас, и бежать срочно требуется. Сижу на постели, и вокруг диким глазом озираюсь. Выскиваю, куда бечь, значица.

А это всего лишь дядя Гиляй в гостиной храпит, ети его! Я в зоопарке такого рыка устрашающего не слышал, да и на Хитровке может пару раз всего, а уж там так бывало, што и ого! Вот и опекун мой расстарался на «ого!»

С устатку после дальней дороге, да накушался не в меру, вот и выдал концерт. Симфонический, ети! Такие себе рулады да присвисты молодецкие, што и не каждый цыганский хор выдать сумеет.

Да и сам я тоже – усталый, да взбудораженный, да обстановка другая. Вот и дёргался. Так бы просто – ворохнулся, проснулся, поморщился от рыка громоподобного, да и на другой бок.

Сев на кровати, Мишка мотнул головой в сторону гостиной, отделённой от нас плохо пригнанной щелястой дверью.

– Аки лев рыкающий!

Угукнул сонно в ответ, а самого назад тянет, в постель. Не выпался! И спать уже никак, потому как планы. Владимир Алексеевич всего на три дня с нами, а успеть хочется многое.

Умывался пока, в зеркало глядеть боялся – морда лица такая помятая, будто вчера вместе со взрослыми пил, да вровень. Круги под глазами, и чуть не складочки морщинистые. У дружков не лучше, такие же старички малолетние, кокаином да спиртом сызмала потрёпанные.

Только тронул за плечо дядю Гиляя, а он раз! И глаза открытые, настороженные, бодрые. Только што красные, как у вурдалака. Да перегар такой, что тошнотик к горлу подкатил. Ф-фу!

– Ох-х, – легко сев на диване, опекун потёр лицо, и встал, морщась при каждом движении. Выпив патентованные порошки, отживел мал-мала. Не упырь столетний, а свеженький такой покойник. Пока он возился в начинающемся рассвете, под шум просыпающегося двора, тётя Песя уже у двери стучится.

– Вы таки уже, или немножечко стесняетесь и мне таки подождать?

– Отстеснялись, – отозвался Санька, – заходите!

Поперёд тётя Песи зашёл запах. Такой, што прям ах и ох! Рыбным бульоном пахло крепченным, да с травками. Потом уже кастрюля, а за ней и тётя Песя вплыла лебёдушкой.

– Первое средство от похмелья, – объявила она, – или может...?

– Никаких или, – мотнул головой опекун, и тётя Песя будто даже удивилась приятно, и самую немножечко загордилась. Вроде как другого чего ожидала, но надеялась на как раз такое.

– Вам тоже не повредит, – она разлила бульон по чашкам, – самое то, штоб животы проснуть. А нормальный завтрак я чуть попозже сделаю.

– Часикам к... – дядя Гиляй откинул крышку часов, – к восьми?

Наша почти хозяйка только кивнула этак снисходительно, да и вышла, вся важная такая и добродетельная. Вроде как сама и не пила вчера! Вот умеют бабы, а?!

– Ну, чижики? – после бульона опекун отживел окончательно, только запах и глаза полупавшиеся выдают за вчерашнее, – есть планы перед завтраком?

Мы с Санькой переглянулись так, и не сговариваясь:

– На море!

Со двора выходили вчетвером, да плюс Фира, а потом как обычно – парад алле как есть! Не то штобы каждой твари, то Мендель-то куда?!

Я по пути вроде как экскурсию наскоро, чисто для понимания.

– Во-он там! – разговариваю наполовину руками, – Дворами, а потом у левого дома, где кривая акация, спросить до Запорожской. Бордели там. Мариванны и Ёси, да и другие тоже. Для разной публики, не так чтобы и конкурируют.

– Знаток! – хмыкнул весело Владимир Алексеевич, поддразнивая по своей вечной привычке. А я плохо поддразниваюсь, отчего опекуна только раззадоривает. Уж такой он!

«– Детство в попе!»

Ну... я непроизвольно глянул на афедрон опекуна... да! Детства там много!

– Вон, кстати, – дёргаю подбородком на приземистый дом, начисто почти утопленный в цветущей пахучей зелени, – по тому же профилю, но на дому принимают. Мать и две дочки живут, ну и тово, захаживает народ. Такие себе, широко профиля. Приласкать, со сбытом краденного помогут, да и всякое другое, по обстоятельствам.

Так и шли, с интересом, здороваясь со встреченным народом, спешащим на работу или на рынок.

Берег после весенних штормов нечист, весь завален водорослями и древесным сором. Потом потихонечку разберётся волнами и жителями. Ну а где пляжи, там и уже!

– Духовито! – только и сказал Пономарёнок, недовольно потянув носом. Я отмолчался, потому как ну што тут скажешь? Уверять, што это всё пока, а потом ого и понравится? Так это самому увидеть надо. И прочувствовать.

Прошлись вдоль берега, нашли местечко почище, ну и со скалами, шток девочки направо, мальчики налево. Одежка в воздух только – раз! И опасность не успела на камни, как мы с Чижом уже там! Плещемся, ну чисто тюлени цирковые.

Дядя Гиляй – ух! И волны от его ныряния чуть не штормовые, нас ажно качнуло. Поплыл саженьками, привычно так. Только пятки желтоватые иногда взмётываются над волнами, да голова виднеется, и фыркание китовье слышится.

Мишка заосторожничал, потому как волны, да на каменистом берегу. Вроде и ничего такого, а с ног сбивает.

Вода ещё холодная, но и не так, чтобы очень. Ну, как в Москве в начале лета примерно. Не занежишься, но поплескаться в своё удовольствие – вполне!

А Фира чего-то застеснялась, да не нас больше, а скорее опекуна моего. Так с Рахилью и плескалась, за скалой. И шу-шу-шу отудова, а потом смех! Ну да бабы, чего уж.

Вернулись, наскоро ополоснулись после солёной воды. Местные-то ничего, привычные. Многие так даже и умываются морской водой, за нехваткой нормальной. А мы по прошлому году помним, как кожа от соли чесалась. Потом, знамо дело привыкаешь, но не вдруг и не сразу.

Завтракали у тёти Песи, и для разнообразия – не слишком запашисто. Я было удивился сперва за чеснок и такое всё, а потом только сообразил – нам же визитировать предстоит!

– Сперва в «Одесские новости» заглянем, – давал расклад Владимир Алексеевич, обстоятельно насыщаясь, – есть у меня там приятели. А там уже видно будет – им, местным, виднее.

– Я, может, по хозяйству помогу? – решил отстраниться Мишка.

– С чего бы? – удивился опекун.

– Я же не ваш, – засмутился Пономарёнок, – а так, просто...

– Глупости! – дядя Гиляй настроен решительно, – Я тебя не в высшее общество ввожу! Да и ты не босяк с улицы, а человек уважаемой профессии, что ж тут такого? И не спорь!

– Владимир Алексеевич? – удивился какой-то молодой человек на подходе к редакции, – Вы к нам!? Я должен это видеть своими глазами, а не через чужие пересказы!

И с опозданием:

– Здравствуйте!

– Здравствуй, Миша, – опекун протянул руку, – рад тебя видеть. Как в газете? Всё по прежнему?

– Если вы говорите за наш привычный хаос, царствующий над порядком, то да, – засмеялся Миша, – а эти молодые люди за вашей спиной?

Представили и нас, вполне по взрослому, без всяких там детскостей.

Швейцар на входе заулыбался в бороду, и нарочито отвернулся, пропуская нас. В холле шумно беседовали двое, и дядя Гиля, сделав страшное лицо и приложив палец к губам, начал подкрадываться.

– Попался! – страшно прорычал он, обхватив одного из спорщиков сзади и подымая в воздух, – Коварный соблазнитель чужих жён!

Схваченный заверещал зайцем и принялся лягаться, впадая в панику. От позора мокрых штанов его остановила только реакция окружающих – хохот вместо бросания на помощь.

– Гиляй? – неуверенно сказал подвешенный, тут же поставленный назад, – Ну кто ж ещё, а?! Здорово, чортушко буйный!

Пообнимались, посмеялись, и как-то само собой – раз! И толпа в холле. А наверх орёт кто-то:

– Гиляй приехал! Владимир Алексеевич!

Загудело! Такой себе праздник с хи-хи и воспоминаниями. Вниз сперва все, потом той же толпой вверх. Гомон, рукопожатия, нас представляют, визитки десятками раздаём и получаем. И всё так – шумно, напористо, очень по репортёрски. Вопросы, вопросы... обрывки историй старых, и снова – раз! Тоже самое, но под другим углом спрашивают.

С подковырками и без оных, но непременно рвано всё, кусками. Друг дружку то перебивают, то сыграно так – командой.

О жизни вообще и с дядей Гиляем в частности. О творческих планах – ну да это больше Саньке, хотя и у меня спрашивали.

Я уж на што привык самую множечко, а Мишке каково? Ажно глаза закатываться начали предобморочно – от передозировки впечатлений, значица. Я его за себя задвинул, и огонь на себя!

– ... почему именно на Молдаванке? – интересуется пожилой... хотя какой пожилой? Ровесник дяди Гиляя, но таки да! Пожилой! Он, а не дядя Гиляй. Тот ещё ого-го, а не отдышка и ожирение!

– А почему бы и не да? – парирую я, обмениваясь визитками с редактором и ведя с ним параллельную беседу, всё больше мимикой и руками.

– Странно просто, – жмёт тот рыхлыми плечами, можно снять квартиру и в более приличном месте.

– А оно мне надо? Приличное? Я по лету хочу босяком иногда побыть, а не приличным молодым человеком, потеющим в жарком костюме. Полуприличного хватит!

Смеётся...

Из «Одесских новостей» в «Одесский листок» перекочевали, потом в «Вечернюю почту». Репортёры из других газет, попроще. И разговоры, разговоры!

В один фон все и всё слилось, а закончилось когда, то и – батюшки! Время за полдень далеко перевалило! Куда несколько часов делось?

– У вас всегда так? – вяло поинтересовался Пономарёнок, привалившись к стене здания и обмахиваясь кепкой.

– С ним, – киваю на опекуна, – да! Такой себе человек-цирк в одном лице.

Смеётся...

Устали так, што Мишке даже и всё равно, што обедать в ресторан зашли. Ноги передвигаются, а мозги уже всё, цементом залило после такого общения. Мне тяжко, а каково ему?!

Зато и ого! За полдня чуть не со всеми репортёрами Одесскими познакомилась, и... я ковыряюсь в памяти и спрашиваю неуверенно:

– Я што, на работу подрядился?

Владимир Алексеевич засмеялся до слёз.

– Карикатуры «Одесским новостям», и фельетоны «Одесскому листку» обязался.

– Я?! Фельетоны?! – опекун кивает, улыбаясь в усы. Бум! Моя голова упала на сложенные руки.

– А со стороны бойко всё, – неуверенно сказал Санька, пока Владимир Алексеевич делал официанту заказ, – такой весь дельный-додельный!

– По возможности, – успокоил меня дядя Гиляй.

– Ну и то... Ничего ведь не помню!

А опекун уже привстал и машет кому-то...

– Сергей! Уточкин!

* * *

Фира с утра задумчива и немножечко меланхолична.

– Мне таки показалось, или Владимир Алексеевич не в большом восторге от меня и нас вместе? – осведомилась она у матери, отложив наконец книжку в сторону.

– Мне показалось, шо тебе не показалось, – в тон ответила мать, не прерывая готовку.

– Он таки антисемит или просто так?

– Он? – Песса Израилевна задумалась, – Не думаю, шо да, но и не могу сказать за нет. Друзья среди наших есть, но с нами скопом не так штобы и дружит.

– В таком случае почему бы и не да? – в глазах девочки набухли слёзы, – я ведь красивая! И умная!

– Ох, доча... – Песса Израилевна тяжело склонила голову, – если б всё было так просто! Не думаю, шо он имеет конкретное за тебя, но ты сложности видишь? Или так думаешь, шо как по васильковому полю, всё красиво и просто?

– Церковь?

– Она! А ещё общество. И наши здесь ничуть и нигде не лучше. Лучше быть пусть несчастной, но еврейкой, чем счастливой, но просто. Так они считают!

– Кому лучше?

– Хм... – пожатие плечами и задумчивость, – кому-то не нам, доча!

– Вот! – маленькая ладошка легла на переплёт, глаза сощурены, – Потому я буду просто! Просто счастливой, без оглядки на других!

Третья глава

Провожать Владимира Алексеевича на вокзал приехали только самые близкие из одесских знакомцев – человек тридцать, может чуть больше. Такой себе цыганский табор, только што без «ай-на-нэ!»

Шум, гам, обнимания, рукопожатия по десятому разу, передавание приветов общим знакомым и гостинцев – наперебой. Южане!

А чемоданов, баулов! Рыба вяленая и копчёная, с запахами на весь вокзал, какое-то вино и наливки, сувениры – лично сделанные, или притащенные Бог знает откуда, стопки газет для передать другим, брошюры разного рода, подписанные авторами книги, засахаренные фрукты и чорт знает, что ещё!

Дело уже к послеобеду, поэтому многие тяпнутые, да по летнему времени. Не так штобы и сильно, но и не так штобы слабо. В плепорцию. Морды весёлые, красные, руками как те мельницы ветряные при урагане махают.

Гудок, и началось! Чисто муравейник разворошенный. Выскакивают, заскакивают, снова выскакивают. Южане! Даже те, которые с северу. Одесситами быстро становятся! Ну или совсем нет, и до свидания.

Напоследок дядя Гиляй с Костой пообнимался, с Сергеем Уточкинским, с другими всякими, и до того увлёкся прощанием, што догонять пришлось, с впрыгиванием на подножку. И шляпой оттудова машет! Свесился, морда лица грустно-радостная, красная от обгара солнечного, да дегустирования наливок и вин.

Пять дней вместо трёх пробыл, а уж событий за это время! Даже для дяди Гиляя еле еле вприворот.

– Ф-фу! – вырвалось у меня, когда последние вагоны состава захвостатились в неразличимой дали. Странное такое чувство: сожаление впополам с облегчением. И ярко так!

Вроде как и жаль, што опекун уехал, потому как люблю его и ценю за преогромную помощь. Уж с каким количеством народа он нас познакомил, и подсчитать не берусь! Одних визиток у меня за сотню, и это ведь не последние люди!

Не так штобы из канцелярии градоначальника, но и чиновники есть, да притом из немалых. А репортёрской братии, адвокатов, общественных деятелей, профессуры университетской... ого-го и ещё чуть-чуть!

Ну и я в ответ расстарался. Коста тот же... Они сперва чуть не приняхивались друг к дружке, как псы перед драчкой, а потом и ничего! Какие-то тайны совместные, вылазка ночная – не иначе как по контрабандистской части экскурсировали. И всё, не разлей вода!

Быстро как-то и крепко, даже для дяди Гиляя необычно. Хотя с другой стороны, почему бы и не да? Одного характера люди, да и масштаб вполне себе сравним.

С другими моими знакомцами по-всякому. Ёся, тот в восторге от знакомства и визитки, а сам Владимир Алексеевич, сдаётся мне, немножечко наоборот. Ну да Ёся такой человек, своеобразный. Слишком уж купи-продай характерный, жидовский, што для широкой натуры опекуна как-то не слишком интересно, и немножечко претит.

Жаль, што уехал, но вот ей-ей, облегчения как бы не больше! Как-то его много было, и везде. Вроде как даже солнце заслонял и дышать немножечко тяжко.

Стыдно, да... но себе-то чего врать?! Облегчения, пожалуй, побольше. Я в Одессе привык быть сам по себе, хотя и большое ему спасибо за знакомства и поддержку. Но самому – просторней! И отвыкать не хочу от самостоятельности.

Проводились, и рассасываться начали. Мы отказались от предложения доехать до города на извозчике, и пешком пошли, в охотку-то. Денёк хороший такой, што просто ой!

Тёплышко с ветерком, но не жарко. И запах! Акация цветёт так, што ажно голову кружит, опьяняя. Куда там вину! Вот так идёшь по широким бульварам, и запах! И нотка солёная от моря, от камней нагретых. Надыхаться невозможно. Дышишь, и дышишь, и вкусно до того, што будто и не запахи акациевые, а счастье само в воздухе разлито.

Кажется, будто вся Одесса и есть та самая акация, и ничего на свете больше и нету. Только запах головокружительный, да улыбки вокруг, и говорок южнорусский, быстрый.

Все вокруг улыбаются, даже и вечно насупленные городовые с багровыми шеями, передавленными тугими воротниками. Вот не хотят даже, а просто – само!

Даже лошади пахнут не потом едким, а теми самыми акациями. И лепестки опавшие на потных их шеях. Даже и копыта подкованные по булыжникам музыкально этак выстукивают, будто не рысцой усталой бегут, а фламенко танцуют.

Цок-цок-цок! Кастаньеты металлические по камням. И говорок напевный, одесский, мелодией вплетается в этот танец.

Счастье!

Разговорились о всяком разном, да не чинно пошли, а вразнобой, да чуть не спиной вперёд. Хохочем! И чувство такое, што таки да! Сильно потом этот день будет одним из самых счастливых! А пока просто – живём. Здесь и сейчас!

– Осто...

– Ой!

– Прошу прощения, милая барышня, – повинился я у зацепленной, шедшей с подружками. Моих примерно лет девицы, такой себе симпатичный южнорусский типаж, – даже и не знаю, как виноватиться перед вами!

– Ничего страшного! – улыбается хорошо так – искренне, а не потому, што так и надо по этикету, – В такой хороший день воздух пьянит сильнее вина!

«– Понимает!» – мелькнуло в голове, и я только поклонился молча, да назад скользнул, шляпой этак перед собой поведя.

Зафыркали мал-мала моему шутовству, захихикали, да и разошлись. А Фира засопела грозно так, но молчит.

– И шо это такое?! – да взгляды грозные забросала. Негромко, но вполне себе весомо спросила. Я даже остановился, только в сторонку сошёл, и на неё – глаза в глаза.

– Фира, – говорю, – сердце моё! Ревновать ты будешь замужем, но если таки да, то может быть и не за мной!

Вздыхнула та несколько раз прерывисто, будто перед рёвом. У меня ажно сердце! Но надо. Воспитываю, значица. Если уже сейчас вот так вот, то што там будет дальше?! Она конечно и да, но не через ломание моего мужчинства!

* * *

– Мама! – девочка влетела в кухню, воткнувшись головой в спину, и сходу обхватив мать руками. От неожиданности Песса Израилевна чуть не смахнула кастрюлю с печки, – Егорка сказал таки да за нашу будущую свадьбу!

И глаза вверх, сияющие, на поворотившуюся матушку.

– Не так штобы и да как да, но да как планы на будущее! Я заревновала к другой, а он такой – ша! Ревновать будешь сильно замужем, но и тогда не нужно! Мама, он меня любит!

Обхватив так и не отлепившуюся дочь, Песса Израилевна села на подвернувшийся табурет, борясь с неожиданным желанием перекреститься. Вот откуда бы, а?!

* * *

Планов на лето у меня громадье, но пока отдыхаю. Солнце, море, южнорусская кухня и безделье. Знаю уже, што без дел быстро надоест, но пока – после предэкзамениционного марафона и безостановочного визитирования по Одессе с дядей Гиляем, вполне себе и да. Нега томная.

Главное – Мишка. Временами тот ещё баран-баранистый, не лучше Владимира Алексеевича. Если решит, што вопрос принципиальный, то и упрётся! Так и будет хромать, да глазами тоскливыми смотреть на бегающих ровесников.

Пощурившись от солнца, я надвинул кепку на глаза, но коварный план по заманиванию Мишки к докторам не думался на солнечном свету.

– Тётя Песя! – окликнул я её со двора, не снимая с колен пригревшегося полосатого кота тёти Хаи Кац.

– Да, золотко! – выглянула та с каким-то шитьём в руках.

– Вы прошлогодний полуподвал никому не сдавали?

– Нет пока! – и толика лёгкого сожаления в голосе.

– Ключ киньте!

Почти тут же вниз полетела связка ключей.

– Мне таки самую множечку интересно, зачем оно тебе?

– Лелеять коварные планы, – отвечаю вполне себе честно, – для этого нужен таинственный полумрак и зловещие тени.

Сверху сделались большие глаза, а любопытно выглядывающая тётя Хая хохотнула.

– Творческая личность!

– Но не шлемазл! – вскинулась чему-то тётя Песя.

– Та я в хорошем смысле!

– Тогда да, – согласилась успокоено наша почти хозяйка.

Завалившись на доски топчана с невыпущенным из рук тархтевшим котом, начал думать за Пономарёнка.

Мишка сам себе нашёл работу по специальности. Не так штобы и совсем да, да и не так, штобы и нужно. Для собственного самоуважения и завоевание позиций на Молдаванке через профессиональное мастерство.

Через тётю Хаю, которая Рубин, взяли в одном из соседских дворов швейную машинку в аренду. Такое себе приданное, хранящееся у лупоглазой Двойры до свадьбы, без особого толка. Вроде как и есть приданное, и вроде как даже и шить умеет, но именно што вроде.

Расплачиваться подрядился обучением великовозрастной девахи, сильно засидевшейся и уже мал-мала подвядшей, со всем своим тщательно лелеемым и никому не нужным девством. Ну и деньги пополам.

Сложная схема, да и с временной регистрацией в одесской управе, как ремесленника, проблемы обещаются не самые простые. Или таки нет, и обойдутся без них?

Мишка забаранился, и всё через сам! Попросил народ приглядывать за ним, штобы если вдруг што, то и сразу мне, а не через потом, но нервенно.

И как с ним, упёртым таким, о ни разу не дешёвом лечении? Если просто отдыхать, и то нахлебничество сам себе выдумал!

– Мендель! – ввинтился в мои уши крик, – иди домой!

– Зачем? – отозвался ломающийся юношеский басок, – Я таки устал или шо?

– Ты хотишь кушать!

– Я?! Вам виднее, мама! Иду!

Зевнув, снял осторожно кота, пропотевшего мою рубаху, и потёр глаза. Заснул, н-да... Впрочем, ничего страшного. Дни с дядей Гиляем такими насыщенными были, што наверное, ещё дня три отсыпаться да очухиваться будем.

– Ну што, взлелеял? – оторвавшись от картины, иронически поинтересовался Санька, когда я поднялся наверх.

– Заснул, – признался я честно, – не взлелеялось!

Хмыканье...

– Зато я придумал насчёт полуподвала! Мастерскую хочу, слесарную.

– Зачем?!

– На надом! – отдразнился я, – Просто, ну... тянет иногда руками што-то такое... Хобби. Не сапожничанье! Такое, посерьёзней што.

– Бомбу собрать, – кивнул тот со смешинками. Фыркаю в ответ, но останавливаюсь...

– А знаешь... – в голове всплыл вполне себе рецепт – из тех, которые на коленке. И ингредиенты вполне себе доступные!

– Забудь! – Санька зашагнул ко мне, схватив за грудки, – Сколько глаз вокруг! Ты сейчас как под микроскопом! И вообще!

– Да я понимаю...

– Понимает он... – пальцы на рубахе разжались, разгладив ткань, – точно?

– Да сам же... про глаза! Да и так... зачем?!

Я надулся было – за кого меня принимают! Хм... да в общем-то и верно принимают! Но мастерская всё равно будет. Хобби!

Проверить хочется всякое, из снов и читанного. Теорию в практику перевести. В прошлой жизни, если верить снам, я был таким себе мастеровитым. И очень, очень любопытно проверить некоторые вещи!

Сдаётся мне, што не всё из них уже изобрели. Не так чтобы даже и славы с деньгами хочется, а скорее – цепочку технологическую размотать. Смогу, не смогу... шарады!

– Егор! – Фира замахала конвертом ещё со двора, взлетая по деревянной лестнице, – Письмо! Из канцелярии градоначальника!

– Ну-ка...

Вскрывал я его, признаться, не без лёгкого трепета, подозревая всякое нехорошее. Градоначальник, ишь! Небось хорошее не станут!

– А...

– Серьёзное што? – забеспокоился Санька.

– Ну... так! Информировуют нас, к какой именно церкви мы с тобой, – выделяю голосом, – прикреплены.

– А... – Чиж скучнеет, тема для него болезненная и опасливая, всякое напоминание – как соль на рану.

– Я же говорил, – мои руки начали сминать письмо, остановившись в последний момент, – те же чиновники! Из канцелярии, ишь!

Четвёртая глава

С паяльной лампой устроился прямо во дворе, широко раскинувшись под деревом со всем оборудованием. Лампа гудит, латка на оловянном припое уверенно ложится на жестяной таз.

– Получите, распишитесь, – утерев выступивший от жара пот, не без самодовольства вручаю починенное заулыбавшейся рыхлой тётке, поспешившей удалиться.

Работаю не за деньги, а за бартер и отношение через тётю Песю. Ей видней, што и как с кого брать – услугами там, деньгами, или свои долги закрывать таким образом. А я так... хобби!

В своё удовольствие работаю, когда время и охотка. В прошлом годе сапожничал мала-мала, в этом вот, слесарничаю. Вполне себе удовольствие!

Даже мыслишки возникают иногда насчёт всерьёз поработать. Устроиться на лето в мастерские при порту, а?! Запах металла, станки, настоящая работа. Только время, время! Там же не в охотку надо, а от и до, а это, сильно подозреваю, большая таки разница!

С полуподвалом так вышло, што и неудобно немножечко. Я было заикнулся об аренде, так тётя Песя ажно руками на меня кышнула. Дескать, какая аренда! Так бери!

Вот же простодырая, а? А ещё жидовка! Говорят... всякое о них говорят! Иногда даже и правду, даже если и нехорошо совсем. А они разные. Небогатая ведь, совсем не. А вот так!

Ну я тогда и придумал, штоб через неё работать. Хитрый план, значица! Какая-никакая, а копеечка с услугами к её рукам прилипнет. Может даже и не меньше выйдет.

Да пусть даже и с запасом! Я што-то размахнулся, и ка-ак закупились! Инструментов и книг технических через немецкую колонию закупил чуть не на триста рублей. И это контрабандой, без пошлин!

Инструмент, а особенно литература техническая, у них качественная, а уж цены... мёд и мёд! Если без пошлин. В разы!

Немецкий тяжеловато разбираю, технический-то, но ничего, заодно и подтяну. А то как посмотрел разницу между ценами, так и сразу – большим поклонником всего германского стал!

Инструмент если, так чуть не в два раза некоторый, а книги и того больше. А?! Я, канешно, патриот и всё такое, но и не так, штобы карманы купеческие своими деньгами набивать! Напрямую если, работяге, то и на! Не жалко. А купчине или заводчику, который их в «Яре» спустит? Сапогами по блюдам фарфоровым для куражу?

Мишка спустился. Постоял, нависая, похмыкал, присел на корты, и лампу паяльную в руки. Потушенную. Вижу, што прям распирает, как попробовать хочется, и было заважничал. Сейчас, думаю... а потом сам себе укорот дал, с важничаньем этим.

– Хочешь попробовать?

– Хм, – и хочется, но стесняется вот так сразу, ажно уши заалели, – а давай!

Вроде как бы и нехотя, а у самого голос петуха пустил. Объяснил ему, как зачищать металл, как нагревать, как припой класть. Показал. Ну и обрезки жестяные, каких не жалко, на опыты.

Пусть! Полезно мужчине такое, даже если и не как ремесло, а просто для понимания.

Мишка застарался. Сидит, кончик языка набок, сощуренный весь. Я в книжечки, ну и так, контролирую вполглаза. Другим вполглаза за двором.

Менделева мать прошла, бёдрами туды-сюды. Такая себе корма, што почти што и каравелла! Грузовая. Устаревшей конструкции судно.

Фирка с вёдрами за водой. Известное дело, бабье! Мужуку даже и невместно в таком разе помогать. Если только как намерения ухажёрские обозначить, ну или там беременная, да вот прям на сносях.

Есть бабьи дела, есть мужские, и упаси боже! Баба если забор поправлять берётся, то это ейному мужуку позор вечный! А если своего нет, так соседям большущий такой укор.

Ну и наоборот. Мужуку к печке и соваться нельзя! Потому как хозяйке его стыдобища превеликая. Иные даже и на стол сами не собирают, если вдруг што. Сидят, ждут. Даже и голодные! Правда, потом могут и того. Аргументировать за ожидание.

Раз так прошла, два, а у меня в голове мысли стали складываться. Про погоду почему-то. Это сейчас в Одессе мёд и мёд, а по зиме? Такое себе по рассказам твориться, што просто ой!

Как поздняя осень в Москве, только сильно хужей. Сырей, ветристей, противней. И так месяцев чуть не пять! Жуть-жуткая, как по мне. Как представил! И Фира по такой гадости, с вёдрами.

Внутри такое што-то заворчалось, што и понял – не хочу! Штоб Фира с вёдрами.

Сорвался с места, да и в мастерскую, книжками шелестеть. Где, где... а, вот! «Водопровод своими руками», и ничего так, вполне рабочая схема! В смысле, справлюсь.

Бачок, медные трубы, помпа... или моторчик? Моторчик как основной, а помпа – как резервный? Чуть усложняется, но не критично.

– Я в немецкую колонию собрался, – докладываю Мишке, – Са-ань! Я до немцев, айда с нами! Фи-ир!

– Сейчас! – донеслось звонкое, – переоденусь только на выход!

– И зачем? – ступорнулся Чиж уже на выходе со двора.

– Трубы нужны.

– Зачем?! – уже хором. Я ажно остановился, да взглядом так... а потом вспомнил, што таки да, они пока и не в курсе.

– Водопровод делать буду.

Глаза...

От немцев вернулся два часа спустя, задумчивый и с футбольными мячами. Чертёж, н-да... Всё верно, прикинуть сперва надобно, што и как.

Немчики свои услуги предлагали, но я заупрямился. Тут такое дело, што не просто людей нанять, а самому! Своими руками и умом. Интересно!

А мячи так, по случаю. Увидел в магазине, да и сразу – дай! Обстучал на ноге, и так здорово вышло! Из прошлой ещё жизни привет, да и из этой – танцор всё-таки не из последних, координация и всё такое.

У Саньки тоже неплохо вышло, а у Мишки – ожидаемо плохо, из-за ноги.

Он, канешно, вид сделал взрослый и равнодушный к забавкам, но я ж вижу, как зацепило! Эге, думаю, вот тебе и аргумент дополнительный! Для докторов.

Ну и скупил все мячи, которые были, все четыре. Не так штобы и сильно в охотку, хотя и не без этого, а больше для маяченья перед глазами. Аргумент.

Вернулись когда, Мишка почти сразу наверх поднялся, работать вроде как. И тоска внутри глаз, такая себе, почти што привычная, вьевшаяся. У меня ажно по сердцу резануло, но нет!

Бумкать начал о стену сарая, потом с Санькой перекидываться. Народу сразу! Интересно потому што, забава новая.

Да и день к вечеру клонится, народ моего возраста весь почти по домам – кто из школ вернулся, а кто и с работы успел. Совпало так, не специально коварился.

– Мальчики! – высунулась тётя Хая Кац со страдальческим лицом и дёргающимся глазом, – Шли бы с забавками своими на чьи-то другие нервы, а не мои персонально!

Ну мы и пошли. А што? Совесть же!

Мишка остался, Фира с ним. Она такая, интересуется. Ум у неё практический больше. Науками занимается добросовестно, и очень даже с успехом, но вот ни разу не Надя! Не глупее, просто интересу меньше.

Зато если готовить што, шить, или вон – рисовать, так не оттащишь! По полдня крутится у нас – то за Санькой наблюдает, если он в гостиной рисует, то за Мишкой. Глазищами своими так уставится, и как замороженная! Нравится. Учиться потихонечку.

И от Двойры как оберег, значица. Там дело такое, што девка напрочь перезрела, готова уже и к малолетке в штаны залезть, даром што там ещё толком и не работает ничего. Глаза с поволокой, вздыхает коровой стельной, любые штаны взглядами томными провожает. А тут вот, поблизости. Штаны. И в штанах.

А потом што? Скандал? Оно нам не надо! А Двойра, вот ей-ей, за ради замужества хоть перекрестится! Вижу так, по глазам с поволокою. Да-алеко зайти дело может, вплоть до Священного Синода проблемы.

Тем более, подмастерье портновский. Пусть даже и малолетка. Чем не жених?

А на пляжу! Фурор! Толпа чуть не в пятьдесят человек, да с мячами. Играть пытаются, значица. Такое себе зрелище, позорное, а им и ничего, нравится! Азарт!

Бегаю вокруг, правила втолковываю да драчки разнимаю. Хорошо ещё, к мячам брошюрку футбольную взял. Засомневается кто, сразу в нос тыкаю – читай!

В четыре мяча-то, ого! Шума больше, чем от всего Привоза, вот ей-ей! Играть никто не умеет, а вот орать, это да. Крикливый народец, с детства к переору привыкают.

– Офсайд! – дяденька какой-то судить взялся. Бегает вокруг в купальном костюме, лысиной потной сверкает, а уж азарта в глазах! Говорит, в Британии учился, и где-то как-то даже и участвовал. Давно.

Грубая игра, бестолковая. Ногами босыми то по мячу, то песку. Толкаются! Потные от жары, песок налипший на телах.

Бумц по мячу! Бумц по ноге соперника! Скандал, в морду лезут! А мне разнимать.

Я не выдержал, да и показал – обводочки, перепасовку с Санькой – как могли, а могли не очень. Я-то ладно, а он откуда? А всё равно лучше прочих!

Понабивал на ноге, на голове. И рты открытые вокруг, а в глазах желание – не хуже штоб уметь.

Потом ещё дяденьки подошли, околوفутбольные, помимо лысого. Те, кто где-то што-то видел, слышал, читал.

Старые уже, чуть не за двадцать, а туда же! Но один так и ничего, соображает. Англичанин какой-то, из торговцев. Мистер Скотт, который попросил звать его Эндрю, потому как уже знает за хи-хи на свою фамилию. Чисто на русском так! Только шепеляво, будто каша во рту.

Ну а я што? В сторонку, и действуйте! Нравится вам тренерско-судейское всякое, так и пожалуйста. Мне играть интересней.

– Сергей! – замахал я, завидев знакомого, – Уточкин!

Идёт! Издали ещё улыбается, руку протягивает. Костюмчик полосатый, не просох ещё после моря. Но – фигура! Не жердь с брюшком и не мячик полусдувшийся, как у всех почти на пляжу.

– Егор, – нараспев, а сам глазами на игроков, ажно прикипел.

– Ты как? – не выпускаю его руку, – Поможешь с организацией?

До тёмнышка почти што играли. На две команды аккурат и хватило молдаванских, если вместе с запасными на травмы и отдохнуть. Два других мяча по пляжу пошли, но што характерно – вернули! Публика!

Не в смысле што честные шибко, а просто – соображающие. Если мячей этих на всю Одессу четыре, то особо и не скрадёшь. Бы-ыстро такого крадуна вычислят! С втекающими и вытекающими последствиями.

Назад шли шумно, сплошной переор, да хохот. И вспоминают – кто как играл, да как хотел, да вот завтра!

А у меня свои мысли. Удачно получилось, это да! Сразу интерес и всё такое. Косту ещё подключить, можно будет тогда матчи «Молдаванка – Пересыпь» проводить.

Вроде и хорошо, а с досадой вперемешку. Как к Мишке подступиться, до сих пор не придумал!

А потом чуть не споткнулся. Ссадины у ребят, а у меня мысли от этих ссадин! Побрататься, значица. А?! На крови.

Санька мне лучший друг, но больше уже брат. И второй будет. Небось не откажется!

Семьи у староверов хоть и дружные, но Мишка наособицу немножечко. Отец то ли женился вопреки родительской воле, то ли ещё што. Отдельно немножечко, а через него и на Мишку перешло. Не бросили его по сиротству, но так, с прохладцей.

И вот чем дальше, тем больше мне это нравится. Даже не только потому, што доктора и лечение, а – брат! Ещё один. Здорово, а?!

Пятая глава

Пышнотелая русоволосая женщина в юбочном купальничке с оборочками и рюшами, томно извивается передо мной в медленном восточном танце. Старая совсем, чуть не двадцать пять, но в паху стеснение. Красивая!

Губы красные облизывает, и томно так смотрит, а потом – раз! И ноги по сторонам раскинуты, а сама уже на нарах лежит, ногами дрыгает. Хохочет!

И не купальник уже на ней, а ночнушка подрванная, с плеча сползающая. Да между ног мелькает такое себе... кустистое. Невнятное.

Бланш внезапно под глазом, и грудь голая, с соском розовым. Встала, идёт ко мне походкой танцующей, наклоняется к губам, целует страстно. Лицо лижет, усами щекочет, а изо рта несвежей рыбой несёт.

– Мрау? – вопросительно поинтересовалась красотка, отодвинувшись чуть назад. А потом раз! И в губы лижет.

Проснулся, тяжело дыша, да скинул устроившегося на груди кота. Вот оно и началось, ети его в качель! Половое созревание!

Сны жаркие... а ещё кот этот! Усагая фемина, надо же! И рыбой несёт, н-да...

Понимаю, што уже всё, не усну. Да и зачем? Небо потихонечку розовеет, птицы просыпаются, коты вон территорию не поделили. Орут!

Двинутся на палец-другой, шерсть вздыбят, и ну орать! Шипение, урчание какое-то, и снова – мра-а-у! Пока помоями сверху не шуганули.

Тихохонько, штоб не разбудить друзей, у которых ещё полчаса-час на сны, прошлёпал в гостиную, и умылся, сгоняя остатки липкого сна. Двор уже просыпается, но не весь и не шумно. Справные хозяйки по холодку спешат за водой. Вон, тётя Песя прошла.

Вот же ж! Водопроводчик хренов! Как бы ещё не прилепили прозваньице, с местных станется.

Знаю ведь ситуацию с водой, а как идея в башку лохматую втемяшилась, так и знания все вылетели. Мало того, так и Фиру будто заворожил! Ни тени сомнения, а?! Хотя с другой стороны, оно вроде как и хорошо. Для жизни. Не рассуждая, а? Верит просто в меня.

Местные-то воду для питья дождевую берут, сладкую, из цистерн подземных во дворах. По счёту! Расписано чётко, сколько вёдер жилыцы взять могут. А тут я, с механизацией.

Щаз! Убеди, попробуй, нашего дворника, што тётя Песя только положенное накачивать будет!

Повздыхал, глядя на цистерну-колодец, потарабанил пальцами по давно облупившемуся подоконнику, скovyрнул краску. Так себе настроение, если честно. Местные-то языкатые!

Да и немцы хороши. Хотя обычно за репутацию... хм... Слышалось што-то такое, про воду. Проводят вроде как на Старопортофранковскую, так может и за нас договориться?

А што?! У меня попёрло воодушевление. Я ж конкретики не давал! То есть думал за водопровод от цистерны до тётя Песи, но ничего ж не говорил! Или говорил? Да нет, точно нет! Тогда и до немцев я ходил, чисто на прицениться. А!?

Приценился за материалы, теперь можно и за работу дойти. Што, почём, как долго?

Внутри заскреблось сомнение – дескать, не слишком ли размахнулся, Егор Кузьмич? Одно дело полсотни метров труб провести, бак цинковый сделать да закрепить над печкой, ну и помпу с моторчиком. Другое – организовать такое себе серьёзное мероприятие.

А потом вспомнил за водопроводчика, и сомнения – прочь! Лучше надорваться, пытаючись, чем смехуёчки за спиной.

– ... согрешил гордостью, сквернословием, унынием, честолюбием, нечистыми и дурными помыслами, соблазнами плотскими...

Соблазнами батюшка заинтересовался, да и начал выпытывать, разочаровавшись почему-то их незначительностью. Допытался зачем-то до Саньки с Мишкой в этом разрезе, но я так и не понял – где соблазны, а где они? С причудью батюшка, дурковатый.

– Сон, – он недовольно жевнул губами, – то грех для подростка простительный.

Потом выпытывать начал об отступлениях в вере, о злоумышлениях против властей. Ну... наговорил ему не того, што на самом деле, а как говорить положено. И всё равно епитимью влепил! За неискренность.

Из церкви я вышел постный-препостный, как сухарик ржаной. Подождал Саньку, переглянулись с ним матерно, да и домой.

Вот зачем навязывать, а?! И допрос этот, полицейский почти. Нешто я совсем несмышлёныш? Тайна исповеди, оно конечно и да, но ведь и доносить обязан, если злоумышляет кто, на государство и строй.

Тогда и тайна не такой уж тайной становится! Да и без доноса даже. Епитимьями так примучать можно, што ой!

– За тобой следить обязал, – безэмоционально сказал Санька, когда мы отошли метров на триста, – и духовному отцу...

Катнулись желваки на лице Санькином, усмешечка кривая выползла, да и будто разом! Скрепсы осыпались.

В редакции «Одесских новостей» на меня глянули не без любопытства, но повели себя на равных, без снисходительно панибратства взрослых с ребёнком. Немножечко преувеличенно, как по мне, но пусть. Терпеть не могу снисходительный тон!

Сразу на ёрничанье и дураковаление реакция идёт. С последствиями иногда. Сам всё понимаю, но осознаю обычно чуть потом.

– Недурственно, – хохотнул редактор, проглядев работы, – одесские типажи глазами понаехавшего.

Ничего такого, серьёзного, обычные бытовые сценки. Шаржированный Мендель, с недавним зовом домой.

«– Сына, домой!»

«– Мама, а я таки устал или шо?»

«– Ты хотишь кушать!»

Тётя Песя у плиты, в виде индийской богини с шестью руками. Ещё с десятков такого же.

– Годится! – довольно сказал Старков, – Интересная манера рисунка – очень простая, но суть ухвачена отменно.

Ссыпал гонорар в карман, да и распрощался. Теперь в «Одесский листок».

– Записки понаехавшего? – Поинтересовался Навроцкий, вчитываясь в текст.

– Шаржированные приключения москвича, шарахающегося по Одессе с выпученными глазами. Начинается с прибытия на вокзал и покупки местной прессы.

– Шарахающегося, – повторил редактор, он же владелец, усмехнувшись, – довольно точно подмечено. Сколько таких... кхе-кхе!

– Молодая, динамично развивающаяся компания ищет бухгалтера и коммерческого директора, – начал читать Навроцкий, – Нашедшему этих ублюдков – наша самая горячая благодарность.

– О-хо-хо! – он протёр выступившие слёзы, – Метко! По-нашему!

Вышел из редакции, как так и надо. Обыденно всё, чуть не до тошнотиков. Фельетон, карикатура, первые гонорары – настоящие, а не за якобы совместную статью с дядей Гиляем. И никак! Даже обидно немножечко.

Событие! А у меня настроения нет. С церкви ещё. Умеют же, а?

Сплюнув мысленно, начал спускаться, и завидел давешнюю барышню, с которой на вокзале тогда столкнулся.

– Мадемуазель! – и шляпой пол мету. Не так чтобы и настроение появилось, а просто! Для форсу, перед самим собой больше.

– Месье, – девочка присела дурашливом реверансе, в глазах весёлые чортики, – какая приятная встреча! Снова видеть аванажного кавалера, преисполненного всяческих достоинств!

Подружки хихикают, ну да я им тоже шляпой соломенной тротуар подмёл, шутовски так.

– Мадемуазели... Позвольте заглядить невольную позапрошлодневную вину, пригласив вас в этот жаркий день отведать мороженого?

Они немножечко так замаялись, и я спохватился.

– Егор Панкратов! – прижимаю шляпу к груди, и глазки делаю. Ботинком ещё булыжники ковыряю, вроде как застеснялся весь.

Фыркание в ответ смешливое, с переглядками.

– Мария Никифорова, – барышня присела в книксене.

– Наталья Турбина, и глазками в ответ обстреливает. Вроде как и смешиночки, но и не так, чтобы совсем. Возраст! Тренируется барышня.

– Елизавета Лопанович.

– Милые барышни, позвольте временно похитить вас в свой гарем для зверского угощения мороженым? По две... нет, по три порции! – я обвёл их глазами с самым суровым видом, – С шоколадом!

Смешинки... ну да тут как всегда! Што ни скажешь, всё либо на презрение и отворот носиков, либо на хи-хи. Возраст!

– А справится ли наш страшный похититель с содержанием такого гарема? Может, он ограничится менее суровым наказанием?

– Суровому похитителю нужно срочно избавиться от тяжести в карманах! – и мелочью звеню.

– В таком случае... – и тут они не выдержали, и ну смеяться!

– Избавьте нас от высокого штиля, достопочтимый сэр похититель, – запросила Мария пардону.

– Так это... мы завсегда рады! – мигом ссутуливаюсь, и чуть не нос рукавом, – Деревенские мы!

Со смешками и дошли до ближайшего скверика. Сидели так, шутили, и – отошёл! А ещё понимание пришло, што слишком я на Молдаванку зациклился. Город большой! Не в барышнях даже дело, а просто – шире надо жить!

Переделся дома в нормальное, и не слушая Мишкиных возражений, потянул его с собой.

– На Пересыпь пойдём, к Косте, – сообщаю деловито, – я, ты, Санька, ещё несколько ребят с Молдаванки.

– А я-то здесь зачем?! – резковато отреагировал Мишка, – где я, а где... Брал бы Саньку, да ребят своих... молдаванских!

– Ты? – зашагиваю к нему, и глаза в глаза, – Ты мне как брат! Родней, чем иные родные бывают!

– Родные, – усмешка в ответ, чуть печальная, – бывает, что и родные...

– Но не кровные! Мы с Санькой побратались, и знаешь – родней родных!

– Вы... – и снова усмешка, грустная такая.

– Станешь мне... нам братом?! Кровным!

И такая радость жаркая полыхнула в ответ, што понял я, можно было и просто предложить. Без хитрых планов. Потому как што для сироты может быть выше семьи?

И сразу – дела все в стороны, да за Санькой сперва. Он как услышал, так и заулыбался. Ну и Мишка в ответ. Улыбаются, и стесняются улыбок своих. Вроде как не положено мужчинам чувства проявлять.

Вот пока не перестеснялись, я у тётки Песи вино и молоко взял, чашку эмалированную на кухне, и в катакомбы потащил их. Для таинственности и антуражу.

Огонь от лупы поджёт, так почему-то важно показалось. Солнечный огонь! Так, с факелом, в катакомбы и вошли.

Мишке любопытно – как же, впервые здесь! Глазами водит, но с вопросами сдерживается пока.

Я факел закрепил низенько, чашку на камень плоский поставил, и молока туда. Потом вина. Нож над огнём, и не думая долго – чирк себя по руке!

Закапала кровь в чашу. Ножик Саньке, он за мной вслед. Потом Мишка.

Пили молоко с вином и кровью, потому руками порезанными сцепились, клятвы всякие говорили. И такое всё – то ли от вина и антуража, то всамделишно, но будто за нашими плечами вся родня встала.

На много-много поколений назад. Улыбаются. Радуются побратимству нашему.

Так ли это, или мне привиделось, не знаю. Всё стало ясным и простым, што и никаких сомнений не осталось – мы теперь братья. Кровные.

Запястья перевязали.

А потом говорили, говорили...

«– Сеанс психоанализа» – выдало подсознание, и заткнулось. Всё было хорошо. Правильно.

Шестая глава

– В Москве нос воротил от уголовщины, а здесь пальчиком поманили, и только пятки сверкнули до самой Туретчины, – ворчит Санька, гляючи на мои сборы.

– Не пыхти! На Хитровке меня иначе видят! Как запомнили бегунком растерянным, с зарёванной мордой лица и испуганными глазами, так и осталось. Хоть обпойся потом, хоть обтанцуйся, хоть кулаки обтеши до костей о чужие физиономии!

Мишка молчит, но смотрит осуждающе, ажно досада берёт!

– На Москве, – повторяю в очередной раз, крутясь перед зеркалом и перемеряя вещи для цельного незапоминающегося облика, – меня разве што наводчиком видели. Ты, Егорка, пляши в домах богатых, да всё вызнавай, и будет тебе доля воровская! А оно мне надо?

– А здесь иначе? – пономарёнковскую иронию можно черпать ведром, – Даёшь экспроприацию экспроприаторов?

– Уф-ф! Миш-ша! На Москве меня только на вторых ролях видят, потому как другое у них в голове и не укладывается. А здесь – всерьёз!

– Денег мало? – приподнимает брови Мишка.

– Да нет же! – я останавливаюсь, расстроенный непониманием, – Просто – интересно! Проверить себя, понимаешь? Могу, не могу... Азарт, понимаешь? Вроде как шахматы, только по жизни!

Хмыканье, но уже с нотками вроде как и понимания. Задумчивое такое. Усиливаю напор...

– Мне уже заработанного – во! – стучу ребром ладони по горлу, – Не зажираться если, так хватит на всё про всё – на учёбу дальнейшую, ну и так, просто жить. Скромно если, но не нище – так, в плепорцию. А надо будет, так заработаю! Открытки, фельетоны, ещё што-нибудь придумаю. Потом, взрослым уже, больше возможностей.

– А это... – машу рукой, – сам скажешь, куда деньги от аферы запустить. На больницу там, на школу или ещё чего. А?!

– Боюсь я за тебя! Боимся! – поправился Мишка, оглянувшись на пригорюнившегося Чижа, – Аферы эти... Или как здесь говорят? Панамы?

– Панамы, – киваю, чуть расслабившись. Выговорились, и напряжение мал-мала ушло, – но чистые! Можно даже сказать – высокие!

– Это как? – удивился Санька, отставив тоскование.

– Ну... так! По закону не придраться, и в карманы беднякам не лезу. Да собственно, – чешу подбородок, – и ни к кому не лезу!

– Нешто так бывает? – задивился Мишка, и вижу – интересно стало!

– Ещё как! Сам вспомни – даже у бедняков бывает такое, што вот хочет он прогулять деньги, и всё тут! У одного взбрык временный, у другого характер. И прогуляет! Пропить не сможет, так рупь свой по грошику разменяет, и в толпе разбрасывать будет. А? То-то!

– А у богатых... – машу рукой, – и вовсе! Сыт, одет-обут, жильё есть, капиталец какой-никакой. Хочется себя порадовать, ну так и начинают! Одни в «Яр» идут, другие содержанок покупают. Часто даже и не нужны им эти содержанки! А просто, штоб была. Потому што могёт себе позволить!

– Это да, – согласился Санька. Мишка молча кивнул, припоминая рассказы клиентов, хвастающихся иногда чем-то подобным. Потому што могут!

– Ладно, – нехотя согласился Мишка с моими аргументами, – но...

Он молча тронул пальцем лежащий на столе браунинг, вопросительно глядя на меня.

– Какое ж приключение, да без оружия? – почти искренне удивился я.

– Гляжу я, доверяешь ты своему компаньону, – ехидно отозвался Мишка, на што Санька немножечко нервно хихикнул.

– Дяде Фиме? Пока я ему интересен – на все сто процентов!

«– Сто сорок шесть!» – вылезло из подсознания без дальнейших пояснений.

– А это, – показываю на пистолет, – для приключенистости и спокойствию с перевозчиком. Потому как тот хоть и да, но таки не сам дядя Фима!

– Всё! – прервал я споры, подшивая пистолет с внутренней части куртки. Так, штоб сорвать можно, но случайно не слетел. Наваха в кармане, спицеобразный стилет с напалечным кольцом вместо рукояти в брючном шве. Такой себе опасный и загадочный, што просто ой! Практически Дакота... или Оклахома? В общем, приключенец-приключенистый!

– С тётей Песей и Фирой договорился без подробностей. Просто – дела! Вы тоже легенду поддерживайте. Только што был, недавно ушёл, убежал ещё до рассвета ловить бычков. Ну, такое всё!

– Думаешь... – начал Санька.

– Не думаю! – прервал я его, присев на дорожку на скрипучий стул, – Но если можно предусмотреть, то значит – нужно!

– Дней... – я задумался, – пять так точно, но не больше недели. Вопросы порешать, может познакомиться с кем. Ну и так, экскурсии.

Санька порывисто вздохнул, он отчаянно хотел на Туретчину со мной, но уговорился, што в первый раз не стоит удивлять Бляйшманов незваными гостями, если приглашали конкретно меня. Обнялись, да и всё, сбежал вниз по ступенькам.

Кепку на глаза надвинул, от восходящего на горизонте солнца, походка ленивая, в углу рта зубочистка. Сам себе нравлюсь!

Дико немножечко, што белый день, ну то есть утро. Оно как-то в голове – хоть с Хитровки, хоть из прошлой жизни – такого рода дела обязательно по темноте должны быть!

Оно как бы и здесь таки да, но не всегда и не совсем. Если контрабанда из Туретчины или обратно, да на рыбацких баркасах и фелюках, то всё это в ночи обделывается. Даже если все давно куплены, то просто – штоб не провоцировать!

Но бывает и по-другому. Такой себе немолодой рыбак решил выйти порыбачить, и хоть обыщись его! Нету! Всей контрабанды один я. И кто его осудит, если он порыбачит в ночь у турецких берегов, а с утра продаст наловленное на рынках Стамбула?

– Зови меня дядя Хаим, – встав с дырявой бочки, щербато улыбнулся долговязый мужчина лет пятидесяти, двинув огромным кадыком на плохо выбритой шее, – племянник Шломо.

В голосе нескрываемое ехидство, но доброжелательное вполне, только чуть отстранённое. Службное такое.

Заулыбался в ответ, и по дороге к причалу начал разговор на идише вперемешку с одесским. У дядюшки только бровь так – раз! И вверх. Чуть-чуть.

Поддержал разговор, и вроде как и ничего такого, но сразу – будто признал. Шаги свои аистинные чуть придержал, голову чуть ко мне повернул.

«– Язык как маркер свой-чужой».

А? Из подсознания с некоторым запозданием вылезли объяснялки.

Такой себе разговор, што вроде и ни о чём, если со стороны, но легенда проговаривается. Штоб если вдруг што, то не потеряюсь при вопросах о дядюшке. Не так штобы и нужно для перевозчика, но внушает! Серьёзный подход.

За разговорами и дошли потихонечку до фелюки, стоящей у причала. На палубе такой же кадыкастый хлопчет, один в один дядя Хаим, только што моложе разика в два.

– Моше, – коротко представился он, деловито сморкнувшись за борт, и больше не обращая на меня никакого внимания.

– Ахарай¹, да? – поинтересовался я, понаблюдав за плавными, тигриными движениями отца и сына. Не простые морячки, ох и непростые...

– Хм, – дядя Хаим с интересом глянул на меня, не прекращая работать с парусами.

– И это тоже, – сказал он после долгого молчания, выведя наконец судно в открытое море, – и это тоже...

Он замолк надолго, погрузившись в какие-то свои мысли. Несколько раз только поглядел на меня с прищуром, и молчанка. Потом снова разговорились, но так себе, ни о чём на одесском вперемешку с идишем.

Моше в основном отмалчивался, отвечая иногда односложно на вопросы отца. Такой себе молчун с нехорошим прищуром, от которого хочется держаться подальше.

Причалили две суток спустя, ранним утром, неподалёку от Галатского моста, у рыбного рынка Каракёй. Помог временной родне пришвартовать фелюку, и с превеликим облегчением ступил-таки на берег, щурясь воспалёнными глазами.

Ветер, солнце впополаме с водными бликами, солёные брызги, да бессонная ночь – вот и результат! И морда лица обгоревшая, хотя казалось бы, успел загореть. А оказалось, што только казалось.

Такое себе удовольствие, сильно ниже среднего. Ох и солон хлеб у рыбаков!

Пока я промаргивался и тянулся, дядя Хаим успел выпрыгнуть на берег и сговориться с продавцами.

– Шевелись... племянничек! – Подпихнул он меня, передавая корзину с рыбой, – Шустрей!

Ну я и зашустрил, тягая корзины с рыбой до прилавка. Нервенно, страсть! Всё время ожидаю подвоха – от дядюшки этого чортова, от турок... враги ведь исконные!

А потом дядя Фима подошёл, и у меня такое облегчение, што словами и не передать! Сразу дядя Хаим нормальным мужиком показался, сын его обычным молчуном, а турки... А што турки? Такие же люди, только в фесках.

Дядя Фима заторговался за рыбу, а потом и за меня, как носильщика. И таки заэксплуатировал! По дороге я головой обвертелся. Интересно, страсть! Другая страна, и даже немножечко – другой мир.

Но пока шли, корзина становилась всё тяжелее, и к району Хаскёя подошёл уже не я, а натуральный орангутанг с лапищами ниже колен.

– Читывал, – пользуясь отсутствием прохожих вблизи, делюсь впечатлениями с дядей Фимой, – шо труд сделал из обезьяны человека. Но сдаётся мне, шо ещё немножечко такого труда, и немножечко деградирую взад, в обезьяну!

– Немножечко-таки подожди деградировать, – попросил Бляйшман серьёзно, – мне тебе помогать нельзя, потому как удивление и репутация. Такое сперва запомнят, а потом и попомнят. Оно нам надо?

– Однако, – вылезло из меня чуть вскоре, – Маалем²? Мне пора протирать глаза, или уже можно радоваться за вас?

– Когда будет можно, я таки скажу, – рассеянно отозвался тот, – и это будет уже почти скоро! – А вот теперь можно! – разрешил он несколько сотен метров спустя, открывая двери дома, – Эстер! Золотце! Встречай племянника! Только не спеши обнимать его с разбегу, да и без тоже, он таки после моря и рыбы!

¹ Боевой клич иудеев. На иврите «за мной»!Здесь ГГ намекает, что «дядюшка» не столько контрабандист, сколько боевик.

² Самый «аристократический» еврейский квартал района Хаскёй.

Парой часов позже, вымытый до скрипа, переодетый в чистое, едва успев перепрятать пистолет, и буквально нафаршированный едой, я выложил тёте Эстер все новости за Одессу. Они вроде как и без меня да, но видно – скучает женщина за город.

Ну и так – одно дело услышать, кто там и што у бывших соседей, и другое – обсудить с человеком, который рядышком живёт и понимает такие себе нюансы.

– Ты спать до завтра, или как? – осведомился дядя Фима, глядячи на зевающего меня.

– К... – я глянул на часы, – ... трём часам пополудни разбудить. Самое то, шtbody чтобы выспаться, но не переспать.

Пожилая усатая служанка проводила меня в небольшую спальню, по-восточному пышную и поразительно безвкусно обставленную. А! Перина мягкая, клопов нет, а остальное – вкусовщина! Спа-ать...

Пять минут четвёртого меня безжалостно растолкали через служанку, подали кофе и умыться, да напомнили дорогу в нужник.

– В здравом уме и ясной памяти, – чуть зевая, кивнул я дяде Фиме, ожидающему меня в кабинете.

– Отчёт, – он положил на стол небольшую папку, и освободил место, отсев сбоку, – мы всё-таки компаньоны, и ты должен понимать, откуда и как мы добываем средства по твоей идее. Без подробностей, разумеется!

Бумаги написаны именно што для дилетанта. Никаких имён и всего такого, а просто – организации, к которым они применили метод, насколько он там вообще применим, и – деньги вообще, ну и моя доля в частности.

Полистал с умным видом, не ленясь задавать вопросы. Общее понимание ситуации появилось, а по части правдоподобности всё равно не проверить.

Врёт? Я глянул на дядю Фиму, в его лучащиеся честностью глаза, широко распахнутые, почти не мигающие. На лицо праведного человека. На руки, лежащие на коленях ладонями вверх и всю такую открытую-преоткрытую позу.

Безусловно! Но непохоже, што больше чем в два раза.

– Дядя Фима! Я не жадный! Но заглядывая вдаль, так скажу: зачем мне... это? – тряску пачкой бумаг, – Настоящие давай!

Бляйшман пожевал губами, потом хмыкнул – неожиданно весело и дружелюбно.

– Ты таки точно из наших! – убеждённо сказал он, на што я только пожал плечами.

– Вот... – пару часов спустя я отодвинул бумаги и прекратил расспросы, – теперь похоже на правду. Деньги...

Вопрос подвис в воздухе.

– ... будут на твоём счету уже завтра, – лучась гордостью, ответил он.

– Ты таки не обижаешься? – поинтересовался он, приобняв меня за плечи и ведя к столовой.

– За што? Ничего личного, только бизнес! Но! – я остановился, ткнув пальцем в упругое пузо, – Мне не нравится тратить нервы и время на такие глупости!

– Есть, – шевелю пальцами, – схемы... Интересные! Но, дядя Фима! Утром – деньги, а вечером – схемы³!

Бляйшман часто заморгал, и неожиданно вытащил носовой платок, трубно высморкавшись.

³ Утром деньги, вечером стулья – популярная фраза из романа «Двенадцать стульев», которую произнес монтер Мечников во время «торга» с Остапом Бендером.

– Эстер! Золотце! – сияя с видом отца, узревшего аттестат зрелости отпрыска, с приложенной к нему золотой медалью, – Наш Шломо стал таки совсем взрослым! Он таки понял за деньги, и не постеснялся спорить!

Седьмая глава

– Шалом алейхем⁴, – поприветствовал я Бляйшманов, заходя в большую столовую, повосточному пышную и несколько аляпистую, с богато накрытым столом, – О! Я таки понимаю, шо вижу перед собой своего кузена Ёсю? Ни разу не виденного, но заочно горячо любимого?!

– А ты не верил, – непонятно сказал дядя Фима сынуле, – алейхем шалом⁵!

– Алейхем шалом, – почти синхронно выдохнули Эстер и Иосиф, тяжеловесно пристраивая грузные телеса на свои места.

Ёся Бляйшман оказался несколько рыхловатым и ни разу не атлетичным, но довольно таки рослым молодым парнем, обрастающим неровной, несколько облезлой юношеской бородкой. Близоруко шурившийся и сутулившийся, он глядел на меня сквозь пенсне вполне себе доброжелательно, и если мне таки не показалось, то с лёгким таким оттенком весёлого удивления.

– Мне говорили за твой университет, – сказав большое да всем блюдам, начал я светскую беседу, как и полагается человеку вежественному, а тем более угощаемому, – Есть таки чем поделиться по этому интересному поводу? Поменялось отношение профессуры и однокурсников за героического, но нелюбимого властями папеле?

– Профессура как была, так и да, – отозвался Ёся в тон, – а среди некоторых однокурсников я внезапно стал чуточку популярен за героический образ папеле. Ну а среди других как бы и тоже да, но в совсем ином роде. И такая себе политическая буря в стакане вокруг мне началась, шо я подумал – надо оно мне или нет? И решил, шо таки нет!

– Потому как оно может и интересно, и даже немножечко гордо о таком рассказывать, но сильно потом! – он чуточку виновато пожал плечами, как бы смиряясь со своей ни разу не героической сущностью, – А страдать за што-то там здесь и сейчас ни разу не интересно.

– Была возможность пострадать, или таки ой на всякий случай? – осведомился я, накладывая вкусное через негому. Но буду!

– Таки да! Одним я был интересен в образе бледного видом страдальца, за которого можно обличать и клеймить власти. Другие хотели видеть мне ровно там же, но с совсем иными целями, назидательно-воспитательными для других. И шо характерно, оба два с редкостным единодушием подпихивали мне на алтарь свободы и назидательности.

– Так што, – он весело развёл большими, пухлыми руками, – я таки сильно подумал, а потом подумал ещё раз, и решил, шо мне это сильно неинтересно.

Ёся откровенно забавляется, перейдя на одесско-идишский суржик. Когда ему надо, то русский говор у него становится отменно чистым, и даже без никакой картавости. Такой себе отчётливый петербургский слог, потомственный при том.

– И насколько нет?

– Настолько, шо я буду учиться в лондонском университете. Я пока здесь, но документы уже там.

– Голова! – восхитился я, – Такие связи, это всем связям да! Через папеле с Одессой и всем югом, а чуть теперь и со Стамбулом. А через себя с Петербургом и Лондоном! Есть за што радоваться!

– А ты точно не из наших? – недоверчиво сощурился Ёся, поглядывая попеременно то на меня, то на папеле.

⁴ Мир тебе! Можно также перевести как «Мир дому твоему».

⁵ И тебе (желаю) мира.

– Из наших, но не ваших, если не говорить за вовсе уж далёких. За тех не поручусь. Все люди братья! – и после короткой паузы озвучил ещё и выданное подсознанием, – Все бабы – сёстры! Дядя Фима заржал самым неприличным образом, Ёся только фыркнул на столь грубый юмор. Тётя Эстер попыталась было обидеться, но тоже засмеялась визгливо.

«– Толерантностью и феминизмом пока не пахнет!» – озвучило подсознание, снова заткнувшись.

Ну и дальше так продолжили – с одессизмами и ёрничаньем через всё подряд. Мне – почему бы и не да, ну и немножечко обезьянничанье. А Бляйшманам – ностальгия и глоток родного воздуха.

– Да! – вспомнилось за недавнее, – Мне показалось, или временный как бы дядя Хаим, несколько избыточен для роли перевозчика маленького мне? Пусть даже и мне с немножечко контрабандой.

– За Тридцатидневную войну⁶ помнишь? – погрузнел дядя Фима, – Ну и вот!

– Дефицит нееврейских кадров через турецкую нетерпимость и подозрительность к грекам?

– Он самый. Мы такие себе, – он весело покосился на сына, – вполне себе интернационалисты! Местами.

– Ага, – закивал я, превращаясь в слух. По словам дяди Фимы, выходило так, что в контрабандисты может попасть не то чтобы и каждый, но национальность препятствием не является. А самое оно для такого дела – рассыпанные по миру общины, более или менее замкнутые, в основном жида, греки и армяне.

Удобно! Чужаки на виду, да и между размазанных по свету соплеменников налажено какое-никакое, но взаимодействие.

Но сложно! Интернациональность порой сбой даёт, да ещё какой!

... – межобщинные разногласия... – дядя Фима замолк ненадолго, морщась как от лимона, – а! – Мы там, – взмах рукой, предположительно в сторону Одессы, – привыкли видеть человека, а уже потом национальность.

– Не до вовсе уж! – поправился он, заметив мой скепсис, – Но таки да! Человека! И еврейская община Одессы, она не то чтобы однородна, но договориться между собой всегда можем и умеем! С другими обычно тоже, но это не всегда от нас. Да и среди наших, скажу тебе по маленькому секрету, такие себе поцы встречаются, шо тоска за народ встаёт и душит!

– А эти! – снова взмах, да экспрессивные ругательства на десятке языков, а после – виноватый взгляд на супругу, сощурившуюся этак многообещающе, – Романиоты с сефардами вроде как и слились в одну общину, а вроде как и нет! Всплывают до сих пор разногласия, чуть не до плевков. Века! Породнились давно, а нет-нет, так и да!

– Вот только представь! – дядя Фима начал загибать пальцы, – Сефарды и ашкеназы, это уже, да? Так вот хотя к ашкеназам чуть не всех европейских наших причисляют, это совсем даже и не так! Есть ещё галицийские и литваки, румынские евреи, польские, римские, романиоты!

– А?! – он потряс руками, – И все как бы и да, но немножечко и нет! Свои чуть-чуть традиции – единственно верные, как полагается. А среди них тоже – группки! Со своими уставами и интересами.

– Сефарды, – Бляйшман вошёл в раж, – тоже вроде как европейские изначально, но отдельно. Обряды! И язык. Языки. А лахлухи курдистанские? Сирийские арабоязычные мустараби? Вавилонские, бухарские... э! Шломо! Поверь мне, ещё долго перечислять можно!

⁶ Первая греко-турецкая война 1897 (греч. *Ελληνοτουρκικός πόλεμος του 1897*), известно также как Тридцатидневная война и Чёрный '97 в Греции – военный конфликт между Грецией и Османской империей.

– И вот эти все... – он затряс руками, корча свирепые гримасы, и явно сдерживая ругательства (с опаской посматривая на супругу), – все... договориться между собой не могут! Внутри своих же, ты такое видел? Меж не совсем своих ещё хуже!

– Это таки очень небезынтересно, – осторожно прервал я поток красноречия, – но давайте за вашу этнографическую интересность немножечко потом? Я таки за! Интересные беседы с умными людьми, да за вкусной едой, это таки да! Но потом.

– А есть какая-то спешка? – удивилась тётя Эстер, – Погостил бы. Ёсик тебе Стамбул показал. Младший Бляйшман охотно кивнул, но я завиноватился плечами и лицом.

– Церковь! То есть Синод и такое всё, – ну и рассказал.

– Ой взй! – запрочитала тётя Эстер, играя не очень и натурально. Вот ведь, а? Поверить, што в такое не знали хотя бы через Лебензона? Вот не в этой жизни!

Но положено. Ей причитать, мне верить. Этикет!

– Церковь ваша, – ворчала она, пхая в mine дополнительные вкусы через отдувание и опаску лопнуть, – всё не как у людей!

– Золотце! – глава семейства ласково погладил супругу по жирному плечу, – Ну не всем же такое счастье?

Уже не тряся руками, дяди Фима коротко договорил за ситуацию с греками, о которых я за всеми этими семитскими этнографиями мал-мала начал подзабывать. В большой и запутанной жидовской общине Стамбула нашлись те, которые сильно верноподданные султану. Ну и выразили свои верноподданнические чувства брату Солнца и Луны, а заодно и немножечко фи грекам. Местами так даже и сильно за немножечко вышли.

В ответ обидочки, местами – с погромами. Как водится, без особого разбора. Местные которые греки Стамбульские, те ситуацию более-менее, но и то – зуб! А дальние которые, те и вовсе не знают, што здесь и как. Просто – обиделись, просто – погромы.

Ну и пошли обидки в обе стороны.

А виной всему – особо двинутые из числа особо религиозных. Они, оказывается, и соплеменников только так, если те смеют хотя бы немножечко думать иначе!

– Есть интерес к экскурсии по району? – поинтересовался после завтрака Иосиф. С некоторым сомнением хлопаю себя по туго набитому животу, но киваю.

– Только недалеко, – предупреждаю я, – штоб если вдруг да, то сразу назад.

Еле заметная улыбка в ответ, кивок, и вот мы уже на улице.

– По возможности обезличенно, – прошу его, – мало ли, опознают! Как Егор я буду интересен просто за счёт имени, а как Шломо могу получить потом неприятности через Синод. Собеседником младший Бляйшман оказался интересным, но немножечко с завихрениями на тему еврейства. Экскурсия по району перемежалась размышлениями о особой роли еврейства, БУНДе⁷ и сионизме.

Как ни перебивал я его на тему историчности и архитектуры, Ёся неизменно сбивался на политику и еврейство. Не без удивления я понял, што младший Бляйшман страдает от редкой среди жидов болезни – прозелитизма⁸. И несмотря на весь ум... или всё-таки – образование? Он таки шлемазл!

Всё удовольствие от прогулки – мимо. А главное, за кого он меня принимает? С такими-то лекциями?

⁷ БУНД (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России) (идиш) בונד *Бунд* – «союз», полное название – פּוֹלן און רוסיאַנדישער אַלגעמײַנער ייִדישער אַרבעטערסבונד אין ליטע, פּוֹלן און רוסיאַנדיש (Algemeiner Jiddischer Arbeter Bund in Lite, Poiln un Russland) – еврейская социалистическая партия, действовавшая в Восточной Европе с 90-х годов XIX века – до 40-х годов XX века.

⁸ Прозелитизм (от греч. προσηλυτισμός – «обращённый, нашедший своё место») – стремление обратить других в свою веру, а также деятельность, направленная на достижение этой цели.

После обеда принесли телеграмму от дяди Гиляя. То есть формально – нет, но так – да! Как и положено всякому уважающему себя репортёру, у опекуна предостаточно доверенных людей. Пробежал глазами имя, оговорённые заранее одноразовые условные знаки, и наконец – текст. «– Деньги поступили. Куда влез на этот раз?»

Долго думал над ответом, но всё такое придумывалось, што либо телеграмме не доверишь, либо всё равно непонятно. А дядя Гиляй приедет в любом случае.

Поэтому... усмехнулся кривовато, и соблюдая все оговоренные знаки, вывел ответное: «Не докажут!»

– Значица, – с дядей Фимой мы разговариваем в его кабинете тет-а-тет, несмотря на все симпатии к остальным членам семейства, – я так понимаю, подделки античностей и вообще освоены давно и надёжно?

– Правильно понимаешь, – согласился Бляйшман, – работаем немножечко и с этим.

– Славно! Осталось самую чуточку, – показываю пальцами эту самую чуточку, – поменять подачу. Не уверять, што таки да, а делать так, штобы люди сами уверялись!

– Гипноз? – скептически поинтересовался дядя Фима, разочарованно подавшись чуть назад, откинувшись на спинку кресла.

– Кто вам сказал за мене такую глупость?! Проще, много проще! К примеру: ремонтные работы, возятся себе землекопы... ну или каменщики, не суть. А рядом солидные такие господа гуляют. Образованные.

– И тут, – делаю театральную паузу, – находка! Неграмотный рабочий тихонечко подходит к образованному господину, и шепотком просит оценить находку. Не купить! А там – монетка времён Ивана Великого. Или фибула с плаща, не суть важно.

– Та-ак... – Бляйшман азартно подался вперёд, начиная понимать.

– И образованный господин... сам! Сам опознаёт находку, и часто – предлагает купить. Ну или мужик-работяга просит выкупить. Сколько даст! А?

– А ведь недоказуемо! – восхитился компаньон, – Все всё понимают, а под мошенничество не подвести!

– Почему обязательно – понимают?! – возмутился я, – Если актёры подходящие, и не баловаться, скажем, с греческими артефактами на территории Кремля, то вполне себе и да!

Ну и с монетами лучше не увлекаться, а так, вещицы изящные. Как?

– Хм, – дядя Фима тяжело встал и начал расхаживать по кабинету, – такое можно и не только... хм...

– Вам видней, – жму плечами, – я предложил метод, а детали за вами.

– Н-да... светлая головушка... Точно, говоришь, не из наших?

– Совет, – уже вставая, сказал я, – за ради личного авторитета в организации можно предложить методу не только среди совсем своих, но и среди своих греков. Благородный жест.

– Н-да... жаль, што нет... точно?

Восьмая глава

Стоя на носу и накрепко вцепившись в канаты, подставляю лицо солнцу, ветру и солёным брызгам. Представляю себя то отважным путешественником-первопроходцем, то адмиралом пиратской флотилии, высматривающим в море золотые галеоны испанского флота. Или – запорожцем-характерником, вглядывающимся в море глазами парящей наверху чайки. Романтика!

Всё тот же дядя Хаим с сыном, всё та же фелюка, но в этот раз нет опаски, и это таки разница! Проверенные люди, рекомендованные. И они за меня знают, што – нужный человек, за которого будут искать и спрашивать вплоть до неблизкой родни, а не случайный пассажир. Потому никакой опаски, никакого прищура с обеих сторон, а просто – морское путешествие во всей его романтичности. Всё здоровски!

Возможность постоять на носу вот этак мечтательно, помочь иногда с парусами или даже порулить. А?! Браты небось обзавидуются! Самонастоящая контрабандистская фелюка, и я у руля. Почти пиратская!

И думаю даже, што иногда и без почти, а вполне себе и да. Масштаб, правда, невелик, но што есть.

А вот с нужником через борт, ну совсем ни разу не романтично! Даже и неудобно. Посцать, держась за канаты, да когда тебя качает, то ещё испытание. Што там в море, а што на штаны и ветром назад в физиономию, вместе с солёными морскими брызгами, та ещё загадка.

Когда же приспичило всерьёз, вот тут сразу и ого! Висеть над волнами с голой сракой, да волны в эту самую сраку – вж-жух! И улыбочки. Сильно так подозреваю, што можно как-то проще, но этих их моряцкие приколы, эти их в душу!

Если туда добрались за двое суток, то обратно шли на сутки дольше. Сперва ветер не попутный, потом время на перегрузить контрабанду во вроде как рыбацкий баркас, и только потом уже меня к пристани, немножечко ближе к вечеру. И это, говорят, ещё удачно!

– Алдос бэстэ⁹! – и не оглядываясь, домой! Показать немножечко там, штобы не волновались, потом в бани – смыть с себя соль и понежиться в руках массажистов.

Фира начала было разгон, но вспомнила вовремя, шо я таки был всё время здесь! И остановилась. Только глазами этак выразительно – што сучала, ждала и волновалась. Ну и я тоже, глазами.

– Егорка, золотце! – засуетилась тётя Песя, у которой при виде целого и здорового меня начало разглаживаться озабоченное выражение с лица, – Всё в порядке?

– Всё так хорошо, што нивроку! – заулыбался я, сплёвывая трижды через левое плечо, и стуча по разошедшей оконной раме так, што задребезжало стекло, – Мои остальные где?

– Санечка в соседнем дворе, рисует какое-то особо живописное дерево и сохнущее бельё. Рут жалуется, што мочила его уже три раза, но знаешь? Я тебе скажу, шо она таки гордится! Ученик Левитана, это канешно не он сам, но всё-таки немножечко история!

– А Миша в комнатах, шьёт, – она, не спрашивая, налила мне вкусно пахнущего супу, – Такой себе прилежный мальчик! И Санечка! Мне уже спрашивают – Песса, где ты взяла таких интересных гоев, шо ими начали интересоваться мамыши всех Молдавских невест? А некоторые невесты, не буду невоспитанно тыкать пальцем в эту перезрелую Двойру, таки берут своё счастье вот этими вот руками! А оно тебе надо? Опомнится не успеешь, как они и уже! Такие себе хищницы!

⁹ Всего наилучшего!

– Даже и так? – нехорошо удивился я, на што тётя Песя закивала выразительно. Однако... Двойра нам не то штобы и нужна, а вот её швейная машинка совсем даже и наоборот!

А может... кошуся на сидящую напротив Фиру... и правда? Как приданное? Заодно и Мишка шить поучит, сильно так при деле будет! При нужности.

Пока я ел, мелкие отловили в соседнем дворе Саньку, притащив его наверх вместе с мольбертами. Завидев меня, он заулыбался, но вдруг вспомнил о своём, и через перила, на всю Молдаванку!

– Панталоны, Рут! Смотри, Обещала! – и уже поворачотясь ко мне, – Здравствуй!

И не чинясь, за стол, только поглядывает иногда этак вопросительно. Мишка чуть погодя в дверях нарисовался. Красный и чем-то смущённый мал-мала.

– Здравствуй... брат!

– Здравствуй, брат! – отзеркалил я ему, и чувствую – улыбка полезла, смущённая малость, но хорошая.

– Тётя Песь! – решительно остановил я нашу почти хозяйку, захлопотавшуюся было с праздником здесь и сейчас, – Не надо! Я ж всё время никуда не уезжал, помните? Мы сейчас с братьями в баню, а вечером и посидим. Только не очень торжественно!

В баню пошли мужской компанией, чисто по-родственному. Не так штобы и с разбега, а обсудили сперва – где получше, да где какие особенности. Мы ж не знатоки большие. Так!

Я на словеса дяди Гиляя больше ориентируюсь, Санька с Мишкой и вовсе – на чужих людей. Собираются иногда мужики во дворе и лясы точат, поневоле наслушаешься.

Такие все спецы, но – удовольствие! Обсудить со вкусом, поспорить мал-мала. Взрослые! Имеем возможность!

По дороге газировки, мороженого от пуза. Неспешно идём – такой себе променад, как у господ.

Ну и рассказываю о путешествии, со смехуёчками. Как с палубы зад свешивал, как шурились друг на дружку с дядей Хаимом и его сыном. Ну и так мал-мала перескочил на здешнее.

– Тётя Песя тут хвасталась, шо местные невесты с мамашами своими охоту на вас решили. Говорит, настороже надо, потому как такие есть, што прям ух! За самые яйца хватают.

Вроде как посмеялись, а Мишка через силу. Эге, думаю... задело! Всерьёз проблема тебя коснулась.

– Колись! Ну!

– Што ну! – он покраснел, – Сам ты ну!

А потом и разом. Раскололся. В сторонку чуть отошёл, штоб не на слуху у прохожих, ну и мы за ним. Встали от солнца под акацией духовитой, да мороженные облизываем, третьи уже.

– Двойра эта! – и краснеет, злится, – учу когда, так навалиться норовит. Прижимается то грудью, то...

Мишка покраснел ещё сильнее.

... – даже и не грудью! А от самой потом, рыбой почему-то, и мускусом ещё! И старая!

– Эге, – от таких новостей я машинально куснул мороженное, и от холода заломило зубы, – того и гляди, в штаны полезет.

Пономарёнок покраснел ещё сильнее, но заострять я не стал. И так понятно, што лезет. Вот же... извращенка озабоченная!

То ли хотелок в глазах темнеет и мысли настолько прочь, што и правда на любые штаны, то ли заодно с прицелом на мастеровитость. Хотелку она потом и так потешит. Если муж для денег и штоб в паспорте был, то для остального не всегда и нужен. Найдутся добровольцы.

Кстати, почему до сих пор не замужем? С таким-то приданным и желанием! Так-то нестрашная ведь девка, хотя и не раскрасавица ни разу. Бракованная настолько, што и девство

с приданным никому неинтересно? Это на Молдаванке-то, где народ не так штобы и сильно денежный!? Значица, сильно ой. Сильно не так. Падучая там, или заговаривается иногда. Не-е... такое счастье и нам не нужно!

– Значица, так! – решительно взмахнув рукой, я проводил печальным взглядом вылетевшие из рожка остатки лакомства, шмякнувшегося на раскалённую мостовую, – Двойру – на хуй!

– В смысле, – поправился я, пунцовая, – не так штобы и прямо туда, а просто...

– Мы поняли, – торопливо перебил меня Санька, весь малиновый и чуть не дымящийся. А Мишка-то! Но не заостряю, потому как и без того – ситуация!

– Дела мои, – продолжаю, – ни разу не скорбные, а вполне себе и да! Так што от слов своих о благотворительности не отказываюсь, но немножечко не сразу.

– Сперва, – и тут я снова начал пунцоветь, – Фирке... кхм, приданное!

Голос сорвался в писк, но братья не стали смеяться, только Санька губу закусил и отвернулся чуть.

– ... машинку швейную! Не из-за тебя! Давно подумывал, а тут так вот совпало. А?

– Ну... – Мишка задумался, – заодно и поучу, так?

– Ага! Она ж вроде толковая?

– Соображает, – пожал он важно плечами, – станет портнихой или нет, а поднатаскать за лето, штоб хоть себе и домашним што-то простое шила – вполне.

Взгляд за Саньку, исполненный всякого коварства...

– ... панталоны, к примеру!

Выпад пропал впустую, Чиж только плечами этак насмешливо. Художник! Панталонами таким не смутишь, потому как – развращённые они там, даже и баб голых рисуют.

– Какую брать будешь?

– Будем, – поправляю я Мишку, – тебе решать! Ты специалист.

– Хм, – он чуть прикусил губу и кивнул задумчиво, – подумаю.

– И... – чуть выдыхаю, – к доктору ходим.

В ответ на вопросительный взгляд вытаскиваю изрядно засалившуюся статью. Как он на это... – Хирург, – Мишка весь одеревянел, – с Москвы... тогда ещё?

– Ну... – неловко пожимаю плечами.

– Спасибо! – и только рёбрышки мои – хрусть! До боли! – Даже если и не выйдет ничего, я теперь знаю – у меня есть настоящий брат! Братья!

Санька обоих нас обнял. Постояли так чуть, и неловко стало, на улице-то обниматься. Разомкнулись. Мне только важным показалось уточнить:

– Чистое дело-то. И длинное! С такого годами деньги на благотворительность идти будут, в больницы-то. Просто ты – первый, брат.

Машинку Двойре возвращали без скандала, хотя тёте Песе хотелось много и громко высказать за чужую нравственность. Смолчала. Но так красноречиво, шо прямо-таки талант! Верю! Заместо тысячи слов – только губы поджатые, и такой себе взгляд постно-ехидный, што мне поаплодировать захотелось. Увидь её сейчас какой-нибудь режиссёр театральный, так и проб устраивать не стал бы, взял как есть!

Машинку зингеровскую купили, в тот же день. А што? Деньги есть! Часть долгов дядя Фима наличными отдал, на прогулять и просто так, штоб в руках подержалось.

Не так штобы и самая лучшая, по словам Мишки, но козырь есть – детали сменные достать легко. Ну и не думая!

– Вот, – сказал я, когда её привезли, – приданное. Ну или калым, это уж как хотите.

И краснею! Потом как намерения показал, а не так штобы – намёки намёкивать.

Тётя Песя ка-ак села, да ка-ак перекрестилась! Широко, размашисто, от всей своей еврейской души.

– Мне, – спрашивает, – тоже так, или обойдусь?

А серьёзная-то какая...

– Лично мне, – отвечаю со всем вежеством, – до наличия крестика или могондавида на груди большое всё равно. А лет через пять и будем посмотреть, надо ли оно нам вообще, и кому куда.

Фира подошла красная-красная! В щёку клюнула губами, и убежала в комнату. Застеснялась! А потом визг такой в подушку, счастливый.

Малые глазами хлопают, ничегошеньки не понимают. Мне с братьями неловко, страсть! Вроде как и не сватовство даже, но стал понимать, што профессия свахи, это такое ого-го, што и не приведи Боже!

Понятно, за што деньги платят. Да и вообще, ритуалы эти. Стесняешься ты или нет, но оттарабанишь с детства выученное «У вас товар, у нас – купец. У вас девица, у нас – молодец», и нормально. Особенно если не за себя, так-то куда как проще.

А уж в тринадцать лет о таком говорить, так никому не пожелаю. Стеснительно! Но и деваться некуда, потому как это... межконфессиональное и межэтническое. Импровизация.

Два дня потом мы с Фирой ходили, взглядами встретиться стеснялись. Все углы на себя собрали, во все косяки поврезались!

Потом дядя Гиляй приехал, без телеграммы. Извозчик во двор въехал, и вот он, опекун мой, с одним только чемоданом и саквояжем. Стоит.

А я сажу, аккурат под деревом расположился, со всем инструментом.

Взглядом меня смерил, задумчивым таким, да и рядом на чурбачок присел. Потом глазами повёл, и вот ей-ей! Орудия линкорные! Всем вокруг стало ясно, што у них дела, вот прямо срочные, не отложить. Пфр-р! И воробьями разлетелись.

– Рассказывай. Для начала, – на широкой ладони появилась та самая телеграмма, – это.

А у меня сразу ка-ак заныла поротая спина и задница! Чуйка, значица. И главное, понимание есть, што если и да, то – право имеет!

Девятая глава

Бить не стал, хотя взгляд такой себя тяжёлый, што вот ей-ей, лучше б выпорол! А он только слушает молча. Кивает. Голова чуть наклонена, взгляд в землю, а как подымет, так мама дорогая! Одним взглядом половину урлоты Хитровской до уссачки напугать можно!

Сразу вспоминается за его бурлачество и военное прошлое. Очень непростой дядька.

– Чистое дело, говоришь? – киваю так, што мало не голова отламывается, – но сказать не можешь?

– Ну не моя это тайна! – и уже тише, – и вообще, на благотворительность.

– Н-да... – и молчание. А меня осеняет.

– Хотите, я запрошу, штоб встретились с вами? На поговорить?

– Ну... – голова чуть набок, глаза задумчиво полуприкрыты, еле заметное молчаливое согласие.

Ф-фух... и с плеч не то штобы гора, но будто куль тяжёлый тащил от самого Привоза, и бух наземь! И на пот пробило, от облегчения-то. Вроде как исповедался, но не этим... в рясах, а по-настоящему.

Ка-ак меня распёрло на поговорить! Не остановить! Раз уж сидим вот так, в настроении. За Фиру рассказал. Хмыканье в ответ, и взгляд такой себе – ехидно-сочувственный.

– Из ранних, н-да? – Подбородок небритый потёр, задумался.

– Сложная тема, – медленно начал опекун. Я вскинулся было, но дядя Гиляй даже не сбился, – С иудейкой... кхм... Но девчонка, и верно, славная. И красивая. Мда... Тот случай, когда как ни поверни, а проблемы будут. Ну или сожаление. За деяние или недеяние.

– Благословение, – усмешка прорезала сжатые губы, – давать не буду. Но и противиться – тоже. Сам.

Я закивал, нагрузившись мудростью и философией по самую макушку. Такое всё непростое стало! Вроде как и выговорился до доньшка, но и новые проблемы поднялись.

– Сложная она, взрослая жизнь? – усмехнулся Владимир Алексеевич, – То-то! Ну всё, пошли наверх!

Мимоходом встретив мне волосы, он поднялся легко, подхватывая багаж, будто шляпные пустые коробки. И двор будто разом выдохнул. Гомон! Оказывается, пока мы разговаривали, такая тишина была тишайшая. Прижуханные все, вплоть до наглых котов. А теперь и снова нормально!

Перехватил мимоходом взгляд тёти Хаи, которая Кац, в спину Гиляровскому. Такое себе уважение впополаме с неверием в увиденное, што и ого! Я сам себя даже чуточку больше заужал, за таково-то опекуна!

Подумал немножечко, и запросил встречи не через Ёсю, который не Бляйшман, а просто так Ёся, без такого папеле. Через Самуила решил. Зашёл этак по-приятельски, на чай с печеньками, ну и озадачил заодно.

– Зажидился Ёся, – пояснил я парню своё недоверие связным, – такой стал полупоц хитропродуманный, шо карманы рядом с ним зашитыми держать хочется. В прошлом годе его, походу, дядя Фима вовремя одёргивал, а сейчас он самостоятельным резко стал, и раскрутился кубарем. Какие-то макли где надо и не надо, панамы, делишки свои проворачивает. Мутный стал.

– Думаешь? – остро глянул на меня Самуил, дымя трубочкой.

– Угу, – я отошёл от перил, штобы пропустить близнецовскую соседку с бельём, – все знаки. Не думаю, штобы совсем всё плохо и наш Ёся запродался, вот уж чего нет! Пока. Но

што мутки мутит в свою пользу, да за чужой счёт, который немножечко и наш, это и к равнине не ходи. Несёт Ёсика, как кораблик по половодью, и куда занести может этого бумажного капитана, это таки не к mine!

– Так, – Самуил окутался клубами дыма и задумался.

– И што думаешь за этого полупоца? – поинтересовался он.

– Я? Либо мозги через ремень и испуг вправить, либо направляющий пинок, и плывика, дорогой ты наш человек, свои путём! Таки не удивлюсь, если поплывёт он потом по канализационному коллектору в раздельном виде, но это уже вопрос его личной глупости.

– Нам же, – вздыхаю чуть, жалея чутка за хорошего знакомого и немножечко приятеля, но очень может быть, уже бывшего, – отстраниться от него, отойти. Иначе вместе можем поплыть. Не понимает пока Ёся за своё и наше, путает чужие возможности со своими. Втривит по дурной лихости и авосю жидовскому в какой-нибудь гембель, и всё! Ну или не всё, но таки ой! Оно нам надо?

– Как всё становится непросто, – выдохнул он дымом, – был Ёся наш, стал не пойми кто и чей.

– С этим полупоцем хитрожопым отдельно решать, и не mine, – сказал он после минутной паузы, – Я вопрос подниму, и скажу твоё ценное мнение. Если ты с ним таки нет через опаску, то отодвинут, ну а остальное уже не нам решать. Ну а встретиться тебе надо за дядю Фиму, или за кого побольше?

– Я таки думаю, што можно потревожить и кого побольше, – ответил ему после короткого раздумья, – Такое себе знакомство может получиться, взаимовыгодное.

– А он... – Самуил потёр пальцы.

– Не-ет! Даже не вздумайте! Принципиальный. Просто, ну... – жму плечами, – истории можно понарассказать, с колоритом. Одному – интересные сюжеты для статей, другому – возможность подать какую-то информацию в нужном ключе.

– Голова! – восхитился Самуил, – Сведу.

* * *

– Поговорили, – Владимир Алексеевич несколько красен от выпитого спиртного, да и запахок таки да, но по поведению – ни разочка! Сидит себе напротив, за столом, в пропотевшей рубашке с подвёрнутыми до локтя рукавами, задумчивый весь.

Время сильно за полночь, и хотя он тихохонько прокрадывался, но я и не спал. Ждал! Сна ни в одном глазу, ажно потряхивает от нервной ситуации.

– А ведь ты взрослый совсем, – и взгляд такой на меня, што вроде как и сожаление даже, – Мальчишка ещё совсем, и глупости делаешь нередко, но – взрослый!

– Скажи, – и глаза в глаза, – честно только! Смог бы документы достать без моей помощи?

– Ну, – жму плечами, мне почему-то отчаянно неловко от этого разговора, – канешно! Проблемней, это да! Потратиться пришлось бы мал-мала. На взятки там и на разное. С опекой или там частичной эмансипацией сложней, но тоже вполне решаемо.

– Решаемо, – эхом отозвался опекун, самую малость уйдя в себя, – в двенадцать лет решаемо, н-да... И зачем я тогда?

– А штоб был! – я как сорвался с места, да нему! Обхватил за плечи и держу накрепко, будто тот убежать куда засобирился, – Потому што! Любят же не за што-то, а так! И Санька! За себя-то да, а он?

Говорю, говорю... малосвязное такое, просто штоб не останавливаться. Нельзя останавливаться!

Молчание, и чувствую, будто он отдаляется от меня. А потом раз! И тоже за плечи. Да к себе.

– Эх ты, чижик...

Разом всё и поменялось. Сели потом чай пить, улыбаемся. На улице непогода разыгралась – да такая, што чуть не котов сносит, а вот ей-ей, один из лучших дней!

– Панамщик! – неожиданно засмеялся дядя Гиляй, негромко совсем, – Охо-хо! Слово дал – не писать, пока деньги с этой аферы на благотворительность идут!

– Не передумал? – неожиданно сменил он тему.

– Нет! Половину на больничку мою! Ну...

– Я понял, – кивнул опекун.

– Вот... четверть – на Еврейскую в Одессе. Она уже не собственно еврейская, а без разбора всех принимают, одно только название осталось. А четверть... ну, не знаю пока. Можно в Сенцово школу выстроить? А? Если по деньгам нормально будет, то и не просто школу с содержанием учителя, ну и так – вообще всё с ней, по возможности. Книжки, может обеды там бесплатные? А?

– Можно, – улыбнулся мягко дядя Гиляй, – От своего имени благотворительностью будешь заниматься?

– Да ну! Слава эта, – плечи сами передёрнулись, будто в кулачном бою, – Можно псевдоним?

– Почему нет?

– Тогда, – я задержал дыхание, и выдал тщательно лелеемое, пришедшее в голову во время контрабандистского вояжа, – Капитан Сорви Голова! А?!

– Звучит, – сдавленным голосом отозвался дядя Гиляй, – Нет, всё-таки иногда – ребёнок!

Санька с утра сонный, но довольный. Подошёл к опекуну, молча обнял, и пошёл умываться. Вот же! Мне вот такие нежности через стеснение великое, а тут вот так просто. Даже и завидно немножечко, если честно.

Думаешь себе всякое, накручиваешь-перекручиваешь, а всех сложностей на самом-то деле – в голове. И если я это понимаю умом, то Чиж – сердцем. Художник, ети!

– В Харьков уезжаю, – сообщил за завтраком опекун, наколов на вилку кусок сложносочиненного тёти Песиного омлета с овощами и сыром, – я и здесь-то, собственно, проездом. Провожать не надо!

– Не надо! – с нажимом повторил он, глядя на вскинувшихся нас, – Уехал и уехал. Срочно надо было, и точка. Иначе половина Одессы обиды будут высказывать, почему был, а не зашёл лично. Некогда! Я, собственно, и так в командировке от газеты считаюсь. Через пару недель, если возможность будет, дам к вам крюк на обратной дороге.

Не успел он толком попить чай, как приехал вызванный мальчишками извозчик, и пару минут спустя только утихающий цокот копыт напоминал мне о пребывании опекуна.

Ну и самую чуточку тётя Песя, мечтательно вздыхающая вслед. А?! Знаю ведь, што ничего не было, да и не успели бы. Просто – впечатление. Фактурный мужчина, што ни говори.

Смерив покрасневшую почти што родственницу подозрительным взглядом, пошёл одеваться в редакцию.

– А, молодой человек! – Навроцкий встретил меня ещё в вестибюле, где только што распрощался с каким особенно дорогим его сердцу и кошельку представителем купечества, – Как же, ждали! Чем порадуете на этот раз?

– Фельетон не писался, – виноватюсь я, – стихами возьмёте?

– Стихами? – в глазах редактора мелькнули опасливые огоньки, но он быстро вспомнил за мою биографию и не самое плохое творчество, – Беру!

– Кхм! – откашлялся я, принимая позу декламатора. Настроение не так чтобы и да, на дурашливость не тянет, но хорошему репортёру важно не только уметь писать о других, но и сделать при необходимости так, чтобы о нём самом если и не писали, то хотя бы говорили.

Владимир Алексеевич вроде как и познакомил меня со здешними гиенами пера и шакалами клавиатуры, но вот ей-ей! Воспринимают меня не иначе, как через самого дядю Гиляя. Несамостоятельной фигурой.

Это жуткая работа¹⁰!
Ветер воеет и гремит,
два еврея тянут шкоты,
как один антисемит.

Начались хохотки, слушают со всем вниманием. Делаю максимально пафосный вид и театральный надрыв, как та козьмордая Лиза из Бутово.

А на море, а на море!
Волны ходят за кормой,
жарко Лева, потно Боре,
очень хочется домой.

Пафос зашёл на ура, оценили завывания и томный вид.

Но летит из урагана
черный флаг и паруса:
восемь Шмулей, два Натана,
у форштевня Исаак.
И ни Бога нет, ни черта!
Сшиты снасти из портьер;
яркий сурик вдоль по борту:
«ФИМА БЛЯЙШМАН,
ФЛИБУСТЬЕР».
Выступаем! Выступаем!
Вся команда на ногах,
и написано «ЛЕ ХАИМ»
на спасательных кругах.
К нападению все готово!
На борту ажиотаж:
– Это ж Берчик! Это ж Лева!
– Отмените абордаж!
– Боже, Лева! Боже, Боря!
– Зай гезунд¹¹! – кричит фрегат;
а над лодкой в пене моря
ослепительный плакат:
«Наименьшие затраты!
Можно каждому везде!
Страхование пиратов

¹⁰ Губерман.

¹¹ Будь здоров!

от пожара на воде».
И опять летят, как пули,
сами дуют в паруса
застрахованные Шмули,
обнадеженный Исаак.
А струя – светлей лазури!
Дует ветер. И какой!
Это Берчик ищет бури,
будто в буре есть покой.

Раскланялся на аплодисменты с гордым видом, великосветски шаркая ножкой и посылая воздушные поцелуи, да отдал текст редактору.

– Могём! – отвечаю гордо на комплименты, пожимая руки, – Могём!

– Кофе, и што-нибудь из выпечки, – коротко бросаю официанту, падая на стул в кафе. Не выспался ночью, с этими жданками, вот и догнала усталость.

– Ваш билет¹²! – нарисовался у стола гимназический педель, рослый мужчина лет шестидесяти. На красноватом полном лице праведный гнев, рыжеватые тараканьи усы встопорщены.

– Ступайте, голубчик, – отмахиваюсь от него, – к вашим поднадзорным я не имею ни малейшего отношения.

– Максим Исаич, – подскочил официант к педелю, – это действительно не ваш...

И шепоток с выразительными взглядами в мою сторону. Хмыкнув, педель смерил меня на прощание нехорошим взглядом, и удалился, выпрямившись ещё больше.

Выбросив из головы мелкое происшествие, разворачиваю газету, отданную вместе с гонораром, и принимаюсь за кофе. Крепченный!

Пролистываю газету, похмыкивая над коммерческими объявлениями – моим неистощимым источником карикатур и анекдотов. Да и статьи некоторые, ну откровенно заказные!

«– Джинса!» – всплыло в подсознании. Ну да, она самая.

Вот неплохой образчик такой статьи, про небезызвестного сахарозаводчика Бродского. Сироп не жалеют! И между строк – упор на качество продукции и условия труда.

В общем-то и не врут. Действительно, по сравнению с прочими...

– Хм... а если сравнить?

Отложив газету, пытаюсь взвесить за и против.

За. Серьёзный, социально значимый, полностью самостоятельный репортаж сделает мне имя.

Против. На завод меня никто не пустит, а значит, придётся немножечко поиграть в проникновение.

Хм... это будет интересно!

¹² В то время ученики прогимназий и гимназий обязаны были носить с собой ученический билет, предъявляя его по первому требованию «начальства». Список запретов (в том числе и на каникулах) для учеников был достаточно велик. Форма одежды, причёски, комендантский час, посещение определённых мест только с родителями (опекунами) или даже с личного разрешения директора (инспектора), каждый раз отдельно. Гимназического возраста ГГ, находящийся в кафе без взрослых – разрыв шаблона.

Десятая глава

Зевнув широко, потянулся от всей души навстречу восходящему солнышку, да и сошёл вниз по скрипучим деревянным ступенькам.

– Денёк-то какой! – довольно сощурился с корточек Мишка, глядящий во дворе всехнего рыжего кота.

– Ага!

– Шалом честной компании, – поприветствовала нас деловито тётя Песя, спустившаяся с корзинками, – Фира, золотце, и где ты тама, когда должна быть уже здесь поперёд мне?

– Иду! – пискнуло сверху, и девочка слетела, простучав каблучками.

– Привет! – и улыбается смущённо-радостно.

– Доброго утра! – и губы сами разъезжаются в ответ.

– На! – в руку ткнулось што-то округлое. Лимон?

– Кусай! – серьёзно сказал Пономарёнок, – А то морда больно довольная!

А я взял, и откусил! И не поморщился! Мишку самого покорёжило всего, а Фира на это только хохотала звонко.

Кусаю, и брата каждый раз косоротит. А мне вкусно! Ну, так вот, организм нормально воспринимает.

– Санечка где? – поинтересовалась тётя Песя, – Не приболел?

– Творческий зуд, – отозвался Мишка, – на песню Егорову взялся рисовать.

Я на это только плечами дёрнул. Ну да, моя промашка! Не бежать надо было, а обрисовать сперва этих самых Шмулей, небось куда как лучше зашло бы! И денежней. А што делать? Хорошая мысль приходит опосля! А я, может, и умный, но и не так, штобы самый.

До Привоза шли неспешно, переговариваясь по дороге со знакомыми. Остывшие с ночи камни приятно холодят босые ноги, а сверху уже пригревает нежаркое поутру солнышко. Лепота!

На мне новёхонькие рыночные штаны и сатиновая васильковая рубаша навывпуск. И босиком. А нравится! Если в охотку-то, да по тёплышку, то почему бы и не да? Такой себе привет из деревенского детства.

С Фирой под руку, та вся важная! Да и я, думается, тоже. А што!? Среди девчат Молдавских она самая-разсамая! Да и так, равных по пальцам пересчитать, и это включая Москву. Важные идём, как взрослые почти. Со знакомыми иногда словами обмениваемся, с Мишкой шутим.

А в голове вертится неотрывно тот несостоявшийся пока репортаж за сахарный завод. Вот как подступиться, а?!

Подсознание, будь оно даже и сто раз взрослое, ерунду какую-то в голову подсовывает. Тайное проникновение, да рожу непременно ваксой цветной располосатить, эти его в качель! Могу приникнуть, чего уж там, хватит тям, даже и без ваксы. Не стратегический объект, прямо скажем. Да и жизнь на Хитровке, она прямо скажем – способствует.

Но мне не просто приникнуть, а и разузнать надобно! Сценки бытовые понаблюдать, такое всякое. Как?! Залечь где-то можно, вопрос весь в том, как эту самую лёжку выбрать, штоб на тебя не натолкнулись.

Для этого, как минимум, понимание нужно иметь, о конкретном заводе-то. А будь у меня такое понимание, то зачем и проникать?! Сел бы, да и написал.

Второй вариант – на завод устроиться, и здесь тоже сложности. В Москве – да тьфу! Город большой, знаком насквозь, и весь – русский. И приезжих тьма-тьмушая, легко затеряться-то. Здесь сложнее. За одессита сойти могу, но и не так, штобы совсем да. Помимо жаргона и

знания города, многое ещё всякого требуется. Вот спросят – откуда ты? С каких районов? То-то... сказать могу, но дальше сложнее – город-то куда как поменьше Москвы! И по районам все. Не жёстко, но друг дружку знают, хотя бы на уровне общих знакомых.

Я, штоб легенду подтвердили, могу только на Молдаванку или на Пересыпь сослаться. Свои где есть. Но в этих районах и морда лица моя примелькалась. Один футбол чего только стоит. За хлопца с под Одессы уже нет, не получится. Другой язык, другое всё. Вот и получается, што не получается!

Понятно, што решение есть, просто не вижу. А вот это и есть самое обидное!

На Привоз пришли, и мысли разом все прочь! Театр! Даже лучше, как по мне. Такие себе сценки, такие актёры!

– Мадам! – перекивая гомон, обращается пожилой мужчина, по виду из ремесленных мещан, интересуясь рыбой, – Можно узнать за вашу цену?!

Услышав ответ, хватается за сердце.

– Я таки неверно выразился – хочу купить немножечко рыбы, а не вас лично!

– ... почём? – типичнейшая белесая русачка, явно очень интересная по молодости, да и сейчас вполне ого, придирчиво перебирает кефаль на соседнем прилавке, – да вы шо?

– Да ви посмотрите, какая кефаль! – продавщица, южного типа женщина средних лет, с прокисшим лицом, на котором выделяется крупная бородавка с шевелящимися волосками, начинает ворошить её, расправляя плавники и подымая чуть вверх, – А?! Всем рыбам рыба! Царская!

– А можно мне просто кефаль, без дворянских грамот!? Боюсь попасть под статью за покушение на жизнь таких особ!

А?! Только и успеваю, што записывать! Не знаю за всё, но немалая часть этого выйдет потом карикатурами.

Тётя Песя торгуется сегодня без особого азарту, нет настроения. Фира, обычно бойкая, сегодня немножечко выгуливается со мной, а не торгуется.

– А ты не хочишь таки поторговаться? – вспоминает тётя Песя за Мишку, озаботившись его образованием.

– Не особо, – жмёт тот плечами, стесняясь мал-мала, – не люблю я это дело.

– А шо тут любить? – удивляется она, – ты просто подходишь, и здрасьте – сколько ви хотите за вашу мелкую тюльку? И неважно, шо там может быть ставрида или даже катран! Ясно?

В ответ равнодушный жим плечом.

– Ты таки где и кто? – возмущается наша почти хозяйка, – С девушками потом тоже будешь так плечом жмакать?

– Хм...

– Вот и я о том же! – воодушевляется тётя Песя, – Просто подойти, и заговорить!

– Просто подойти, и заговорить, – повторил я за ней, и Мишка решил таки, начав под руководством Фириной мамеле проходить курс молодого одессита. Заполучив ученика, та прямо-таки разгорелась, и начался такой цирк с фейерверками, што ой! Уважение со всех сторон!

А может и действительно, просто? Не сложные планы выдумывать и такое всё, а – поговорить с работниками сахарных заводов. Расспросить. А там и видно будет!

Вернулись, и тётя Песя захлопотала насчёт поесть, а мы к себе. Санька сидит всё, и у такое у него вырисовывается, што очень даже и интересно!

На каждое четверостишие цельный разворот с иллюстрациями. Наброски пока, но явно полноценный лубок получается.

Я в затылке почесал, да и сел рядышком – спереть мал-мала идеи. Мне ж не лубок, а так – карикатура! Просто шток в одном ключе получилось. Ну и заработался, пока тётя Песя сама за нами не пришла, на завтрак звать.

К этому времени проснулся уже весь двор, а не одни только домохозяйки на рынок. Гомон начался, мужчины на работу собираются, детвора с котами под ноги лезет. Всё как обычно, всё как всегда.

– Минуточку, – выступил я с веранды громогласно, – вашего драгоценного внимания!

Головы вверх задрались, остановились.

– Раз уж все да, – продолжаю, – то пользуюсь моментом. Есть возможность договориться за водопровод от Старопортофранковской. Инженеры вполне за, нужно только оплатить материалы и труд рабочих, и будет здесь маленький такой раёк, с много воды и вашим настроением.

– Га-а! – и птицы в воздух взмыли, да коты с мявами попрытались. Обсуждать начали, да разом все.

Я в толпу бумаги с расчётами отдал, там всё превсё! Расстояние примерное, стоимость труб, работа землекопов, и ещё два десятка пунктов. Начерно.

– Егорушка, – начала осторожно тётя Песя, когда народ разошёлся-таки, не успев раздёргать мне на части, и объяснить, где и как я не прав по каждому из пунктов, – я чего-то не понимаю, или такие вещи лучше делать вечером, когда все в сборе и без спешки?

– Песса Израилевна! Вы сами знаете за ваших, и немножечко уже за почти моих! Вечером начался бы спор до самого утра, и я таки оказался бы ничего не понимающим в жизни сопляком!

– А так, – я повёл рукой на пустеющий двор, – мужчины спешат на работу, женщины рассказать другим за такую свежую новость. К вечеру они отдельно друг от друга решат всё то же самое за моё ничего не понимание в жизни, и успеют перессориться друг за друга, а не за мне! И будет тут свара не с моим раздиранием на части за соплячество, а споры за главность меж собой и другими.

Тётя Песя явственно начала работать мыслями, што выразилось в появлении морщинок на непривычном к тому лбу.

– А мне, – продолжаю я, – нужно не главным быть, шо всё равно нет из-за возраста, а шток дело было. А кем и как, и кто славу на себя возьмёт, на то плевать с прищуром издадека!

– Как с футболом! – осенило Мишку, – Ты и тогда устроил всё так, што другие делали то, што надо тебе!

– Не так, штокбы прямо мне, оно и городу польза. Но таки да!

Фира аж засветилась от гордости, и немножечко даже расстроилась, шо некому показывать свой розовый язык. Поэтому просто за руку взяла, подержаться и погордиться.

– Оно и здесь такое будет, шо прямо-таки ой! – продолжил я, сжав ответно маленькую ладошку, – Такие свары междусобойные вылезут наружу, што человека стороннего и зашибёт! А когда начнётся вечером за моё соплячество, за деньги ещё скажу. Триста рубелей один к одному жертвую. Тогда вместо соплячества начнётся сперва более уважительно – за возраст, а чуть погода – за кто из них што вложить сможет.

– Немножечко отодвинут тебя в сторону, но за дело возьмутся рьяно, шток на твоём фоне не выглядеть ещё сопливей? – предположил Санька.

– Задумано так, – киваю я, – но это же Одесса!

* * *

Доктора крутили Мишкину ногу, спрашивали о разном, заставляли присесть и вытягивать её, наклоняться.

– В принципе, – Гришин снял очёчки и протёр, – проблема решаемая. Если бы ваш друг...

– Брат, – перебил я его, – извините...

– Брат, – поправился он, – ничего страшного. Если бы ваш брат попал к нам, то через месяц, много – полтора, он стал бы ходить, как и прежде. А это, простите, работа коновалов. Где, вы говорили...?

– Больница для бедных, – кривовато улыбнулся, – после Ходынки.

– Даже так? – Гришин запереглядывался с коллегами, и снова снял очёчки на протереть, – беру свои слова обратно. Н-да... слышан. В таком разе – то, что ногу спасли, уже чудо. Не до изысков. Простите!

– Ничего страшного, – отзеркалил я недавнее, – Доктор, скажите, а что сейчас?

– Сейчас? Н-да... больница для бедных?

– Сейчас, – выделил я голосом, – средства есть. Значительные.

– Кхм... Мы за такое не возьмёмся, – сказал он, – здесь нужен, не побоюсь этого слова, аристократ от хирургии. И платить ему нужно тоже... аристократически.

– Примерно!?

– Ну... триста рублей, может четыреста.

– Мы согласны! – даже не оглядываюсь на Мишку.

– Кхм... деньги всё-таки заметные, и нужно согласие родителей или опекуна...

Мысли сразу заметались. Родня у Мишки есть, но так чтобы согласие, да такие деньги... Дольше обхаживать и объяснять. Владимира Алексеевича? Не-е... афера, как есть афера, нечего опекуна в этот гембель втягивать.

– Двойные, – предложил я, – и как жертва катастрофы! Нogu сломал!

– Молодой человек, – гневно начал пожилой дядька, у которого прорезался от волнения отчётливый идишский акцент, – если вы думаете...

– Да я не думаю! – перебил я его, а у самого от волнения ажно руки трясутся, – А просто – ситуация! Деньги есть, а опекуны у брата далеко! И не факт!

– На благотворительность, – отчаянным голосом сказал Мишка, почувавший отказ после недавнего обнадёживания, – больнице ведь деньги нужны?

Ух, как уговаривать пришлось! Нет, и всё! Только через опекунов. Пришлось рассказывать о Мишкиной ситуации, когда родные вроде как есть, но по факту – сложно. О братании – без деталей, потому как среди тут жида есть, а кровь, да с молоком... Ну как перемкнёт?! Уговорили! Вышли, чувствуя себе победителями. Отошли уже когда, Мишка задумчиво так:

– Вот умеют же, а? Ты теперь вдвое...

– Мы!

– Мы, – согласился он чуть смущённо, – вдвое теперь переплачивать будем, а благодарны! Одно слово – жида!

* * *

С водопроводом и реакцией на него я немножечко-таки не рассчитал, и мозг мне вечером выели качественно и со вкусом. Выслушал о себе много нового и интересного, но дело сдвинулось-таки с мёртвой точки.

Умные и знающие отодвинули мне от славы. Где-то там, в самой глубине, есть таки маленькая обидка за отсутствующую строчку в летописях, но дело сдвинулось. И это главное!

Одиннадцатая глава

«– Нахальный какой!» – Полина, поджав тонкие губы, сердито поправила платок, – «Ишь, подмигивает!»

Р-раз! И нахальный мальчишка подбросил в воздухе серебряный рубль, потом два, три...

«– Рублевыми играется!» – раздражённо подумала девушка, невольно замедляя шаг. Нечасто такое увидишь! Обычный, уличный, ничем не примечательный. И такое вот!

А мальчишка, будто дразнясь, небрежно подбрасывал и ловил всё большее количество монет, собрав чуть не десяток. Потом еле заметно движение кистью, и монеты ссыпаны в карман. И снова – одна монетка... золотая?!

Девушка сама не заметила, как отстала от подруг, замедлив шаги. А нахальный мальчишка снова подбросил, и снова... потом движение подбородком в сторону, и Полина, как замороженная, двинулась за ним.

«– Заманивает», – мелькнуло у девушки, но мальчишка один, моложе её года на два, а сбежать она завсегда... Уж закричать-то она сможет! Так завопит, што все сбегутся, со всево Николаева!

Шаг, ещё шаг, и вот уже они на пустыре. Девушка было запаниковала, завертев головой по сторонам, но мальчишка спокойно сидит на земле, скрестив ноги по-туркски, и только монетка в руке. Золотая!

– Хочешь? – монетка текуче прокатилась меж пальцев.

– Я... я не такая! – девушка сделал шаг назад. Не слишком, впрочем, решительно.

– Мне без разницы, какая ты, – и улыбка едва заметная, – Так хочешь?

Меж пальцев начало прокатываться уже две монетки, потом три.

– Я... што делать-то надо?

– Ничего, – снова улыбка, – такого, о чём ты подумала.

– Ишь охальник какой! – рассердилась девушка, в глубине души немножечко даже и разочарованная.

– Есть дело, да не до твоего тела, – и снова подмигивание. Нахальное!

– Похабник какой! – рассердилась та, – Ну, говори!

– На фабрику пройти надо, – монетки взлетели вверх.

– Так мало ли кому надо?! – насторожилась девушка, – Керосинщик какой нашёлся! Мне из-за тебя на каторгу неохота!

– Какая каторга!?! – изумился мальчишка, начав плести что-то нелепое о репортаже. Придумал бы хоть што другое!

Полина решила сделать вид, што верит. Вот честная она, доверчивая! Так на суде и скажет, ежели што вдруг. С рыданиями! Кому в здравом уме сахарный завод нужон, читать про такое? О простой жизни!?

Оно про Государыню, которая Ливадию посетила, это да! Событие! Такие все чины придворные, даже которые дамы. В мундирах мушкетеры все, да при орденах. Авантажные!

Или реклама одёжки от «Мюр и Мерилиз», тоже интересно. Она такие заметки вырезает и хранит в баночке из-под леденцов, выпрошенной у гордячки Тамарки. Ей часто ухажёры дарят всякое такое!

Перебирает иногда резаное, и себя в одёжках таких представляет. Или в Ливадии, фрейлиной при Дворе. Может, она тоже эта... дочка графская! Выкрали в младенчестве цыгане, да подкинули на воспитание. А потом её найдут, в объятиях у маменьки с папенькой поплачется всласть, да замуж за одного из этих, с орденами. Ва-ажной бы стала дамой, да небось не хужей прочих!

– Сколько, говоришь?

– Пока не говорил, – усмехнулся вредный мальчишка, – мне в нескольких цехах побывать надобно. Смогёшь? Так, шtbody чтобы не просто мимоходом в ночи, аки тать, а за работой понаблюдать.

– За работой, – Полина понимающе кивнула, и в душе её будто расправилось шtbody-то. Как же, репортёр! Конкуренты небось наняли, шtbody чтоб прознать всё! Наняли и наняли, не её то дело. Не керосинщик, и то ладно.

– В нескольких? – девушка закусила закровившую губу, с трудом собирая непривычные к тому мысли, – можно...

– Не слышу в голосе уверенности! – оскалился нахалёнок.

– Да можно! – затараторила девушка, – Договариваться только придётся. Делиться! Никак не меньше ста рублей за такое!

Сказала, и дыхание затаила. А ну как и даст? Без торговли? Там всей делёжки – сторожу казёнку принести, в знак уважения вроде. А уж нору устроить этому мальчишке, она и сама! Пусть хоть обсмотрится. Но если вдруг шtbody, то знать ево не знает!

Попросится у мастера лишнее поработать, а там и ночевать при заводе останется. Не она первая, не она последняя! Тогда-то водка сторожу и пригодится. Вроде как уважение.

А сто рублей, то оно и ого! Приданое!

– Сто, говоришь? – мальчишка задумался, и Полина напрочь перестал дышать. Страноватая усмешечка, и кивок, – А пожалуй, шtbody и да.

Девушка выдохнула...

– Уговор, – продолжил он, – но с условиями!

* * *

Мокрое от пота мальчишеское тело двигалось медленно, замирая иногда на пару секунд. Сквозь стиснутые зубы вырывалось иногда сиплое дыхание. Последний судорожный рывок... и подбородок коснулся перекладчины.

– Тридцать два, – подытожил я вслух, спрыгивая вниз, – неплохая проходочка! Завербованная девушка вызывает у меня некоторые сомнения, но увы и ах, возраст накладывает немалые ограничения.

Условились на авансе в двадцать рублей, и вся надежда только на жадность Полины. Проинструктировал вроде, но сомнения точат червяками. Ни разу не интеллектуалка, н-да... Впрочем, интеллигентные и артистические люди без надлежащего опыта, в таких делах как бы не опасней натур примитивных.

– Ванятка! – певуче позвала меня хозяйка, – Иди сюды, шtbody готовы!

– Чичас, Степанида Федотовна, помоюсь только!

Хозяйка ко мне благоволит, но не забывает брать двадцать копеек каждый день за койку и весьма постную пищу. Она не местная, привезённая давно покойным мужем из центральной Расеи, да так и не переняла здешнего говора и обычаев.

– Как с местом? – поинтересовалась она, когда я выхлебал щи. Скудноватая пища для начала дня, но чем, как говорится, богаты!

– Сиводня встречаемся, смотреть меня будут.

– И то! – Степанида Федотовна мелко перекрестилась и начала допытываться подробностей. Скушно! Дети у ней давно взрослые и живут своими домами, вполне благополучно и сыто. Но не близко! Зовут мать к себе, но баба понимает, шtbody здесь-то она хозяйка, пусть даже и с внуками не тетешкается, а в чужой дом приживалкой придёт.!

– Ну, ступай! – отпустила она меня наконец, – Совсем меня, старую, заговорил!

Я заговорил!? Но спорить с бабой, а тем паче глупой, самому дураком надо быть. Только пятки мои грязные сверкнули через порог.

Забор штурмовал, когда до смены рабочей час ещё оставался.

– Позже ещё не мог?! – прошипела на меня Полина, хватая за рукав, едва я перевалился в заводской двор в условленном месте, – Пошли!

«– Противолодочные зигзаги» – выдало подсознание, и вместо ответа, што же это такое, дополнив песней про жёлтую подводную лодку.

Запоздало захотелось сказать Полине, што времени ещё пяти утра нет, и до смены рабочей чуть не час, но передумал. Известное дело, баба!

В высоком цеху стальным лесом высится переплетение железных балок с установленными на них механизмами, изрядно обросшими чем-то ракушечным. Промеж балок и механизмов балочки поменьше, а ещё брус и доски – ходить, значица. Ну и харахура всякая навалена.

– Давай, давай, – торопила она меня, зло подпихивая в зад острым кулачком, – лезь! Вон мешки наверху, я там раздвинула в серёдке, пролёзешь!

Взобравшись наверх, я пробежал к мешкам, зачем-то сутулясь в напрочь пустом цеху, и ввинтился в серёдку.

«– Зря ел» – мелькнула запоздалая мысль, – «и воды надо было побольше выпить».

Гудок, и цеха начали наполняться работниками. Ещё гудок...

... и час спустя я проклял всё на свете! Читывал, што в сахарном деле применяется известь, но как-то не додумался, а каково оно? Провести так хотя бы несколько часов?

Внизу перетаскивали известь, гасили её в ёмкостях, разбалтывали... Работники внизу замотаны наподобие мумий, даже и глаза не видны. Пыль, мельчайшая известковая пыль и водяная известковая взвесь, заполнили помещение цеха. Столбом, под самую крышу! Засаднило горло, не спасает и заготовленная повязка. Глаза ажно режет, будто иголочками тычут маленькими, и тело всё обчесалось – его-то тканями не обмотал! Ух, сколько открытых места нашлось. Да и закрытых... как только в штанах зачесалось да зазудело, то думаю – всё! Терпеть невмочь, и была не была, вылез!

Где на четвереньках, а где и по-пластунски – к одному из продухов. И жду, што вот-вот... обошлось, не закричали. Не смотрят они наверх-то, да и где там што разглядеть, в тумане этаком?

Голову в продух высунул, и дышать, дышать! Гадость всякая известковая вьётся в воздухе, но уже – мёд и мёд. Продышался, и вылезти захотелось, ан шалишь! Далековато до земли, а зацепиться по дороге некуда.

Ну, куда деваться? Пополз... чудом, не иначе, по балкам в соседний цех попал, они там неплотно к стенам примыкают, есть зазоры. Ввинтился. Голова еле-еле, ну и я весь за ней протиснулся.

А вонь! В костопальню¹³ попал. Пылища чёрная, угольная, сразу на зубах закрипела. Жар! Вонь из соседней квасильни¹⁴ шлейфом тянется! Не то што до блевоты, а чуть не обморока.

Я по балкам дальше, как гордый лев – на четвереньках. Вниз даже и глядеть не хочу, только «Зря полез, зря полез!» в голове крутиться. И никаких мыслей больше!

Пересилил себя, репортёрское възграто. Ретивое. Поглядел всё-таки. Дети внизу, даже и совсем маленькие есть, чуть не меньше десяти годков. Кто крупку горячую дробит, кто таскает што-то.

¹³ Для сахарной промышленности пережигали костяной уголь, отсюда и костопальня.

¹⁴ Костяной уголь заквашивали.

Из костопальни удалось таки вылезти на крышу, здесь она покатая мал-мала. Продышался, отошёл малость, и того... писюн обмыл сцаками. Как исхитрялся-то, и вспомнить стыдно, но стыдно не видно, а жжёт оно сейчас!

Отдышался, и всё-таки – надо! Зряшно, што ли, всё это было? Надо дела до конца доводить, просто для самоуважения.

На четвереньках по крыше металлической двигаюсь, для незаметности и нетопотливости. Да сам радуюсь, што облачно сегодня, а то как на сковородке карасём.

В квасильню заглянуть попытался, но так и не смог, около продуха ещё рвать начал. В желудке-то ничего, даже и воды нет. Думал, сам желудок и выблюю! И это я-то, который в больничках горшки ночные выносил, и от говна да гноя людей обмывал.

Заглянул в одно, а там прачечная. Жар, влажность, духота из продуха шибает, как из парной, когда туда солдат после учений битом набили. И девки голые.

А эротики порнографичной, ну вот ни на копейку! Замотанные все вусмерть, салфетки от сока свекловичного в известковой воде отмывают. Кожа, даже и сверху, через пар видно – полопавшаяся, в язвочках.

Какая эротика-то? Слезы... вытер их рукавом, да и думаю – всё, нагляделся по самое горлышко.

Поползал ещё по крыше, место нашёл, да и слез благополучно, а там и через забор. Да бегом! Долго потом в море отмывался, да одёжку отстирывал от извести и угля, от вони этой. А потом пил, пил, пил... никак напиться не мог. Вся вода тут же через пот вылезала. То ли нервы запоздало шибанули, то ли ещё што. Допился до тошнотиков, но ничего, оклемался.

Дошёл до хозяйки, да и наврал ей наскоро с три короба, будто место нашёл. Вещи забрал, да сразу и ушёл, от лишних распросов. Не хочу.

Переоделся поприличней, штоб хожалые¹⁵ не цеплялись, да и по городу побродил. Экскурсия вроде как. Ну... красиво, хороший город, но настроения ни на копейку. Еле вечера дождался, да к пустырю.

Полина эта как увидела меня, так чуть не бегом, только подол по ногам хлещет. А ну как не отдам? Я из кармана не глядя – на!

– Насмотрелся, – говорю, – до тошнотиков.

Девка монеты в кулак, сжала его добела, и на меня, как на диво-дивное, глаза пучить удумала. А потом бегом! Ну как передумаю?

Снова курить захотелось – привет такой из прошлой жизни, достал. Да так захотелось, што уши опухли. Остановился было у разносчика папиросного, и по карманам зашарил.

А нетути! Всё, оказывается, до копейки отдал. То-то она глаза пучила, там куда как больше оговоренного!

«– ЗОЖ!» – разродилось подсознание. Ну да это переводить не нужно, знаю уже!

Смешно почему-то стало, и легко на душе. Вроде как деньгами этими я какой-то грех с себя снял. Не знаю, какой, но очень тяжкий!

Привычно уже зайцем проник, разве только по летнему времени на крышу, а не в собачий ящик. Тронулся состав на Одессу, а я бездумно в небо синее гляжу. Никаких мыслей!

А потом, под стук колёс, в голове само будто:

«– Надо што-то делать! Надо што-то делать!»

Завод этот чортов в голове, потом фабрика суконная, на которую меня запродали. И понимаю: надо! Не знаю пока, што именно, но буду. А начну со статей.

¹⁵ Нижние чины полиции, жаргон.

Двенадцатая глава

Второй карандаш уже сгрыз, а всё не пишется. Не то! Даже разложил перед собой вырезанные из давнишних газет статьи на такие вот темы, социально-заводские. Образцы вроде как, для правильного и лёгкого слога.

С полдюжины уже вариантов наката, ну вот ни разу не хуже! Но и не лучше. Такое всё, ровненькое и правильное, как у всех.

А не хочу! Не хочу как у всех! Хочу, чтоб читатель на моей статье глазами разом споткнулся, да и не отрываясь, не мигая. А потом – обсуждать, да спорить с другими до хрипоты! Да кулаки чтоб сжимались и сердце останавливалось.

Вот тогда да! Статья настоящая. А это... гляжу уныло на вырезки... одно слово, заметки! Статистические данные, да описательное такое. От господ, которые даже и не понимают, каково это: не ужасаться со стороны, а потом котлеты с антрекотами под водочку-селёдочку, а самая што ни на есть жизнь.

Мишка в гостиной на машинке стрекочет, Фира с ним рядышком, с открытым для многих почему ртом. Учится. И, умненькая, не даёт брату в мысли уйти.

Завтра ему к докторам, ногу ломать и резать. Сидит такой, с прозеленью немножечко, от страха и опаски. Вот работой и спасается, взялся за тётки Песины вещи. Какие перешить напрочь, какие ушить или надставить.

Санька там же, рисует их. Он всё больше по дворам любит пройтись, за котами с мольбертом охотясь, но тоже – понимает. Как Фира замолкает, так он што-нибудь начинает, только чтобы не молчать.

– А-а... – скомкав лист, выбрасываю его в угол, на растопку пойдёт. Вскочив, начинаю мерить шагами комнату, и как-то так получается, што и в гостиную вышел.

Покрутился, похмыкал, послушал. А руки своей жизнью живут – то ткани потеревить, то потрёпанный томик Майн Рида с закладкой открыть-закреть. Нервничаю, значица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.